

АЛЕКСЕЙ ЭРТ

АНА
АНА

несовременный роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Эрр

Ана, несовременный роман

«Автор»

2023

Эрр А.

Ана, несовременный роман / А. Эрр — «Автор», 2023

Вы можете изменить свою судьбу? Да! Например, пустить ее под откос. Легко. А так, чтобы подняться выше? Или подняться к Богу (как бы по-разному люди не понимали это слово)? Героям романа это удалось. Правда, не всем и не в равной доле. «Ана» — роман-притча, в котором вечные вопросы не стали философской жвачкой, а обрели вид просто рассказа или взрослой сказки. Как всякую притчу его можно прочесть и забыть. Или запомнить. Или перечитать.

© Эрр А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1	5
I	5
II	11
III	17
IV	26
V	33
VI	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Эрр

Ана, несовременный роман

Моим друзьям. Их истории подарили мне эту книгу.

Часть 1

Необычная во всех отношениях зеленоглазая брюнетка интересуется, чем отличаются отношения между женщиной и мужчиной от отношений между этой же женщиной и другим мужчиной?

Объявление на сайте знакомств

I

Ана проскользнула мимо вывески, не осмелилась даже взглянуть на нее. Медленно дошла до угла, постояла в раздумье и тут же, под снегом, словно почувствовала жар, расстегнула пальто, откинула капюшон. Озябшей, немой рукой провела по непослушной стрижке, закурила, нервно, затянулась, пустила дым вниз.

Все. Обрато. Сигарету в сугроб, скрипучий снег. Вернулась к крылечку, отворила дверь.

САЛОН СУПЕР ЛЮКС
МУЖИКИ НА ЛЮБОЙ ВКУС
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РАСПРОДАЖА

Дверь впустила Ану, и решимость закончилась, оказавшись на деле робостью и досадой. И еще страхом и любопытством, как в детстве, когда идешь, куда не разрешили. Сердце далеко забилося, но слышно постукивало оттуда, издалека.

– Добрый вечер, не замерзли?

Вопрос был человеческий, но вышел из оскала зубов и этакой деловой улыбки. Чуть страшенькое рашн смайл. Взгляд Аны рассеялся, чуть успевал ловить детали: неслабое бедро, раздевающие глаза средней наглости, почти строгий костюм, белоснежная блузка с кружевом, щедро расстегнутые пуговицы. Еще бы одну расстегнуть, и пошла бы реклама тонкого белья для груди пятого номера. Но не пошла, остановилась на самой ни-ни-дальше заманчивой точке. Рядом с бейджиком «Менеджер по операциям».

«Черт! Менеджер. И здесь менеджер, мене́р, как сейчас говорят. Не простой мене́р. Опер-мене́р. Женского пола опер-мене́р-ша...»

Неточно ловя обрывки Аниных мыслей, опермене́рша пожевала паузу и продолжила свой ход.

– Так вы как, милочка, не сильно замерзли, милочка?

От этой «милочки» и крепкого парфюма повеяло знакомым: немного «Шанеля» накапали в щи. Ана съезжилась, почувствовала легкую злость, наморщила бровь, а Мене́рша только обрадовалась – клиент ожил, отмерз! Работаем!

– Если хотите с мороза кофейку горячего, можно с коньячком, хотите?

Ана провела языком по сухим губам и только головой дернула косо – ни да, ни нет.

– Вот, и я говорю. Сичас приготoвим, заодно и каталог посмотреть.

Мене́рша, видно, не сильно думала, когда говорила, все втискивала в напор: прихватила рукав Аниного пальто и настойчиво так провела ее вдоль стекол и приглушенного света.

– Что вы, милочка, не надо, будто испугались. У нас, знаете, индивидуальный подход. Тем боле, время сейчас такое, надо брать, конец года, лучший товар. Так кофейку сначала или по каталогу начнем?

Ана сжала пересохшие губы, почувствовала – трещинами расходится помада. А от нее, помады, трещины побежали по телу, полу, стенке, потолку. Ана не стала на них смотреть, повернулась к Менегерше.

– Не знаю, как лучше, – голос показался не своим.

– А у нас, знаете, по-разному лучше. У нас, знаете, не так просто, а салон просто, супер люкс фирма, знаете, с большой гарантией. Никому, говорю, и в голову не придет, все по высшему классу, индивидуальный подход, экземпляр мы строго под вас.

Менегерша сменила широкую улыбку на узкую, показывая, что время – деньги, и, не дожидаясь новой перемены Аниных чувств, вытряхнула ее из пальто, и саму Ану прихватила под руку, да так, что рука только дернулась да застыла – дай бог всякому оперу такую хватку.

– И вы правы, милочка, да, по каталогу не так чтоб наглядно. – Менегерша чуть отпустила зажим. – Вы-то пальто-то здесь оставьте, вот, здесь, на плечиках, охрана посмотрит, а мы в зал, как раз освободился.

Чехарда ее слов вконец пробила Ану, а от придыханий – вы-то пальто-то – Ана как из тумана вышла, стряхнула неловкость и слабо улыбнулась.

– А что у вас за зал?

– Обычный, демон, – вежливо кашлянула в платочек, – демонстрационный. По каталогу выбор, конечно, больше, но лучше, как говорят, самой увидеть, чем. И основные типы все есть. Да пройдемте, милочка, сами посмотрите.

Ана послушно двинулась вслед за ней, следя за ее шагом: двойным – тяжелым, но витым, как у пушного зверя. Крупного.

«Демонстрационный? Их что, в витринах держат? Или содержат?»

Перед массивной дверью, как положено для спокойствия, сидел хмурый закамуфлированный и тупым карандашом водил по бумаге. Что-то военно-боевое: пламя, стрельбу, разорванные лица, еще какие-то страсти. Скучно ему было не в окопе сидеть, вот и грел основной инстинкт жесткими штрихами. Рисовать он, впрочем, умел, страсти казались настоящими.

– Игорек, ты нам кофе с коньячком.

Игорек оторвался от страстей и будто отдал Менегерше честь обеими руками. В дверях открылась щель, и железная опер-ручка протащила послушную Ану за собой. На секундочку стало темно и немного страшно, но секундочка прошла. Ана как плыла в темноте, забыла про дыхание, нырнула и плыла, только обернулась назад, увидела полоску колотого света в дверях, и вперед – на черный силуэт Менегерши.

– Почему здесь так темно?

– Да вы не волнуйтесь, милочка. – Менегерша, щелкнув фонариком, ослепила Ану и в полумраке нашла еще больше превосходства. – У нас фирма, а фирма, знаете, не вяжет. Вот. Только вот тут поосторожнее, не споткнитесь, ступенечки, смотровая дальше там, вот.

Фонарик осветил узкую дорожку, как в кино между рядами, только вместо спинок справа и слева блестели толстые стекла витрин с совершенной чернотой внутри. «Точно!» – Ана осторожно перебирала ногами и от страха-любопытства закусила губу, – «Точно. В аквариумах держат. Заспиртованными. Господи. Бред какой!»

Но бред скоро кончился – лучик фонарика уткнулся в небольшую площадку с тремя кожаными креслами. Менегерша плавным жестом провела Ану к последнему, дальнему, и сама развалилась в ближнем, и фонарик положила рядом. Ана краем глаза наблюдала за ней, но вдруг почувствовала мягкие кожаные формы, по которым тело растекалось, проваливалось в сон.

Глаза закрылись, но любопытство их встряхнуло и заставило еще раз посмотреть через соседнее кресло. Ана не заметила, как фонарик погас – теперь перед Менегершей светились полоска узкой лампы и длинные ряды кнопок и клавиш, ползунков. Как в студии, подсвет зеленоватый.

– Восьмой номер, на выход. – Голос Менегерши стал металлическим, а длинные когти, как у бывшей машинистки, бегло, со стуком пробежались по пульту.

– Свет в центр, свет по кругу, – она прямо чеканила в микрофонную проволоку, – восьмой, пять секунд, время пошло.

«Время пошло?» – Ана успела удивиться и невольно стала считать время.

На пятой секунде зажглась светом круглая площадка, подобие эстрады, а большой луч с желтым отливом осветил не крупного мужичка с небритой бородкой. Впрочем, до мужичка он не дотягивал – плечи заметно опущены, а в глазах застыло что-то нерадостное. Костюм на нем и не думал сидеть, а в корявых пальцах дымилась почти скуренная сигаретка.

– Вот, пожалуйста, один из типичных. – Менегерша уже не выставляла зубы напоказ, все больше казалась деловой. – Как он вам?

Ане стало неловко, мужичок ей совсем не понравился, но сказать правду тоже было неловко, и до круга недалеко – если он услышит, так совсем нехорошо станет.

– Да вы не сисняйтесь, – Менегерша заулыбалась, – там не слышно, только если сами захотите поговорить. Ну, как он вам?

Ана испуганно поперхнулась.

– Да, вы знаете, не очень, может, что-то другое есть?

Менегерша печально качнула головой и вздохнула. И еще раз в полсилы. Показала, что привычна к клиентской глупости, да ничего не поделаешь – работа такая.

– Как скажете, милочка, можно и к другим, только многие все равно к таким возвращаются.

– А что, почему к таким?

– Бизопасность, милочка. Бизопасность! Это вариант домашний, не блудливый. То есть не слишком. Многого не просит, правда, и не дает того-сего, но, это, как бы, сносен. Да. А клиенты, знаете, от нервов устают, так и выбирают вот такого, не совсем заметного, но, это, как бы своего. Своего. Эти, они, как бы вам, привязчивые. А нашей сестре чего искать? Страсти при луне – это сопливым надо. А здесь – бизопасно. Не стена, но такая, знаете, стенка. Мы-то, в конце, не в лесу живем, нам и стенка сойдет. – Менегерша коротко хрюкнула в платочек. – Так что думайте, милочка.

Ана ощутила зябкий холодок меж лопаток, ей бы и вовсе стало не по себе, да кресло так мягко топило чувства, что вся менегерская философия со своим «не сисняйтесь», она мимо прошла. Но Ана сделала усилие, за ним неплавный жест рукой, будто хотела что-то остановить. Оперша терпеливо ожидала, наперед зная, что клиент чувствует. Опять выдержала хорошую паузу и потянулась зубами к микрофону.

– Смена номера. Двадцатый. Пять секунд. Время.

Свет погас. Ана уже знала, что через пять секунд появится двадцатый номер, и все ж не удержалась от счета. Но на этот раз в круге вместо человека появился стул, а новый экземпляр с невидимым достоинством помедлил с выходом. Его тень постояла за лампами круга и, только убедившись, что ее ждут, вышла на середину. Уселась, закинула ногу за ногу и перестала быть тенью.

Новый номер был худ и нервен. Не то, чтобы откровенно нервничал, но глаза его то тревожно вглядывались в темноту, то упирались в слабовычищенные ботинки. Совсем не новые джинсы и свитер ручной вязки на экземпляре сидели мешковато. Собственно, это слово редко идет к худым фигурам, но количество пузырей на одежде было так велико, что видно было, как тощее тело прячется в просторный мешок.

Ана на новенького посмотрела внимательнее – несмотря на его желание быть большим и сильным, слабость была видна. Да еще неопрятность одежды и длинных, небрежно откинутых назад волос, давала повод для внимания и понятной женской тяги выстирать и выгладить. Да и не просто было сказать, к какому типу принадлежал двадцатый: не мужик, не мужичок, пол явно мужской, а лицо – не двадцатого века.

– Кто он? – спросила Ана.

– Вабще-то, знаете, точную информацию лучше прямо у экземпляра. Вы за подробностями не сисняйтесь, сами спрашивайте. – Менегерша, чуть потянувшись, повернула другой микрофон, чтобы Ане удобно было говорить.

– Кто вы? – Ана произнесла это совсем глухо, опять не узнала свой голос.

– Кто я? Человек я! – худая фигура откинулась на спинку и изобразила полное равнодушие, отчего стала еще беззащитнее.

Ана подумала над ответом и чуть обиделась. Ее уже утомил этот бордель супер люкс, оставался только мелкий страх показаться несмелой, да и любопытство. Оттого она дернулась, но не стала ничего волнительного изображать: ни вскакивать, ни возмущаться. И уйти без слов тоже раздумала.

– Я понимаю, что вы человек. Вы могли бы просто о себе рассказать?

Фигура нервным движением откинула волосы назад, хотя этого можно было не делать.

– Вам хочется просто? Откровения, да? Ну да, извольте. Я музыкант.

– Вы любите музыку?

– Глупый вопрос! Это вы, может, любите музыку. А я! Да вам все равно не понять.

Его рваные слова и паузы еще раз задели Ану.

– Почему вы так злитесь? Вы меня совсем не знаете.

– Ну да, вас не знаю. Мне как-то других хватает. Насмотрелся, да и наслушался. И к большому сожалению, никого еще не встречал, кто бы хоть что понимал. Этого достаточно? Вам?

Ана успокоилась, она умела успокаиваться, когда видела, что человек хамит от слабости. Музыкант выскальзывал из рук, как рыбешка, да не давить же его. Ана и сама, что называется, работала с людьми, и когда чувствовала свое поле, совсем успокаивалась. Да и Музыкант ей начал нравиться.

– Спасибо. Вы действительно знаете то, что другие могут не знать. Но вы попробуйте рассказать, может, и я что-то пойму?

Музыкант передернул худыми плечами. Видно, он был не злой, хоть и обозленный.

– Вы в самом деле думаете, если я начну рассказывать, вас надолго хватит, да? Если я действительно...

– По крайней мере, я постараюсь понять, а если не пойму, попрошу еще раз объяснить. Это лучше, чем замыкаться. Чувствовать себя безнадежно гордым и непонятым. Безнадежно.

Музыкант на секунду задумался – Ана попала в точку, которую он сам в себе не мог обойти. Еще две-три гримасы промелькнули на его лице, и резкость черт стала опадать.

– Хорошо, я попробую.

Он хотел продолжить, но тут долго молчавшая Менегерша перехватила слово.

– Милочка, я как бы вынуждена вас прервать. Вы ж и сами видите, что сейчас начнется. Вы, милая, и не заметите, как лимит времени тью-тью. Это только кажется – слово-другое. А на самом-то деле это, как бы, бесполезная трата. Так что теперь решайте: или берете этот номер, или, что называется, продолжим знакомство.

Ана посмотрела на нее, как на врага, и повернулась к микрофону.

– Мы обязательно поговорим с вами чуть позже, мне надо уладить некоторые детали.

Менегерша посмотрела на нее с любопытством, показывая, что раздражение клиентуры ей не впервой, а просчитать заранее все Анины шаги – и вовсе дело плевое. Оборотив нагло-

важую улыбку к среднему креслу, она стала ждать выяснения деталей, отчего Ана опять чуть не взорвалась.

– Вы мне все-таки объясните про лимит времени и про то, как долго я могу разговаривать с человеком, – злость в Анином голосе постепенно затихала.

И тут очень вовремя появился закамуфлированный Игорек с подносом. Менеджерша обернулась к нему и приняла две чашки кофе и две небольшие рюмки коньяка. Поболтав в своей чашке ложечкой, она сочувственно вздохнула.

– Вы, милочка, ознакомились с нашими расценками? К приглашению были приложены. Да? Так вот. – Теперь на опер-мордочке появилось двойное чувство заботы. – В ваших, знаете, интересах не тратить много времени на каждый номер. Задали пару вопросов и ладно, и дальше пойдем. А после уж сами разберетесь, кто по душе, кто по сердцу. Может, и на второй сеанс придете. Кстати, на второй мы трицти-процентную-скидку...

Пока Ана слушала, она еще раз успела остыть и взорваться. И снова остыть. Как ни странно, слова Менеджерши ее убедили. Только в чем – непонятно. Ана помолчала секунду и наклонила голову в знак согласия.

– Вот, милочка, вот, – заулыбалась Менеджерша, но ее улыбочка с зубами уже столько раз мелькала, что никак не действовала. Ана откинулась в кресле и закрыла глаза – делайте, что хотите.

Менеджерша еще раз довольно хрюкнула. И скрипнула проволокой микрофона, но сказать ничего не успела – от скрипа по потолку пошел новый разлом, сам заскрипел, разошелся паутиной, и в каждой трещине стали ветвиться новые, с шорохом, тихим треском, громким, чересчур, пока вся паутина не взорвалась к чертовой матери, в утробно-оглушающий грохот-всхлип.

* * *

Ана вздернула голову, открыла глаза, не сразу поняла, что и где.

Утробный всхлип затихал. Ана лежала в кровати, в своей кровати, в своей постели. Повернула голову. Ночник-будильник показывал половину третьего. Сон дурацкий. Господи-божемой. Минут пять лежала, ни о чем не думала, только закрывала и снова открывала глаза.

Сон дурацкий. Надо все же заснуть, бог с ним, с дурацким. Завтра опять будут круги, как у совы. Или белочки. Старая стала, милочка. Шутки шутишь, да? Это ты брось, милочка. Господи, это еще откуда? Раньше и слова такого не знала. Из сна, да? А сон откуда? Начиталась брачных зазывалок. Молодой, с чувством юмора, среднего сложения, мечтает найти лучшую половинку, рост не ниже ста шестидесяти пяти, вес не больше ста восьмидесяти двух. И раньше читала. И что? Ничего, как всегда, ничего. Человека найти по строчкам. Невозможно. И так невозможно. И так все нормально, как всегда. Пробовано-перепробовано. Мужики на работе изучены. Знакомые. И знакомых знакомые. Чуть нарисуетя некто. Интересное. Так уже женатое. Только желающее отдохнуть душой и телом в нечастых встречах на своей территории. А остальные, без территории. Ищут родственную душу. По строчкам. И себя придумывают, как бы получше изобразить. Только ничего, милочка, не получится, милочка, никак себя получше не изобразишь. Получше.

Полежав еще минут пять, Ана откинула одеяло и вяло поплелась на кухню. Поставила чайник на огонь и, чуть не опалив широкий рукав ночной рубашки, легонько обругала себя дурой. Знала, что бессонницу еще придется терпеть, и продолжала вялое движение, открывая разные двери и дверцы в надежде найти хоть что-то интереснее дурной пустоты. Наконец, нашла. Отражение в зеркале ванной. Это отвлекло, но радости не прибавило. Открыв воду, намочила ладони и осторожно провела ими от глаз через скулы к подбородку. Но усталое лицо

продолжало смотреть на Ану и немного морщилось, отгоняя противное чувство жалости. А оно не слушалось, не отгонялось, возвращалось.

«Тихо, милочка, тихо. Все. Все-о! Давай без истерики». – Ана чуть рассердилась на себя, спугнула сопливые мысли. Походка стала тверже, пальцы шелкнули суставами и плеснули в широкий бокал немного вермута. Ана выключила огонь под вскипевшим, но ненужным чайником и уселась, поворачивая в свете лампы стекло с красным мартини.

Ночные звуки. Капéль из крана, кряхтение и тихая ругань старика за стеной. Надо ему дать двести рублей, пусть подушку себе купит. Снова утробный звук канализации. Иначе еще сто лет будет рассказывать, какая у него сейчас скверная, и как дочь ему пришлет новую, мягкую – такую, что спать на ней и спать, что днем, что ночью, сурок сурком. Или самой купить и все так закрутить, будто дочь прислала? Да, это можно, а утробные звуки в доме не изведешь, денег не хватит.

Новый звук. Это кран дребезжит. Неизвестно где. На верхнем этаже. Или на нижнем. Может, в соседнем подъезде – все равно где. Но его, как сказал ученый сантехник, кажется, он действительный кандидат или доктор, из бывших. Как он сказал? Точечный резонанс (господи, слово какое!). И передается по всем стенам. Ангел ночи номер два.

Резонанс. Интересно, есть где-нибудь на свете принц, который хоть что-то может? Ну, не звезду с неба, а так, чтобы ни один кран в доме не доводил до тихого бешенства. Неужели ни одного нормального мужика во всем свете, чтобы взял, да починил? Хоть так.

Нормальный мужик? Что это? Не стена, а стенка? Прости, милочка, не дура ли ты? То есть совсем дура – ищешь то, чего на свете вообще не может быть. Бывший твой, вроде, нормальный – не пил, не бил, даже любил. И сейчас любит, наверное. Из него и сложился образ, что нормальным кажется. Только если он такой, все, кто на него не похож, автоматом попадают в недоделанные. Может, попробовать со своим нормальным еще раз? С ним. Нет, милочка, уже это склеивали, милочка. Как ни заманчиво, милочка, а разбитую вазу целой не сделаешь. Милочка. Обиды, милочка, из той жизни не дадут обратно вернуться, милочка. А жаль, милоч...

Хватит дуру из себя строить! Себя жаль, его жаль.

Мысли опять разбежались. Охнул пенсионер за стеной. Глоток мартини.

Что за дурацкий сон? Обычно забываются сразу. Салон. Камуфляж. Игорек. Демон-зал. Смотровая, милочка. Мужичок. Музыкант. Дурацкий сон.

Может, ты, как белка в колесе? Бежишь и видишь только старое, знакомое. Музыкант? Это ты врешь, милочка. Такого точно не было, и не бывает. Или бывает? Что-то ты не туда гнешь. Заранее начинаешь считать, как глупый мужик. Что он? Чем он? Зачем он? Надолго он? Тебе еще непризнанного гения не хватало. Чтобы он любую дурь космическими проблемами мог прикрыть. К черту! Чересчур умна ты, милочка. Только глупа не в меру.

Ана залпом прикончила мартини, забралась в постель. И попробовала заснуть.

II

Утро было зимним, но солнечным. Мороз и солнце, бьют куранты.

Господи, столько дряни в голове! Старая дрянная книжка. На помойке живет, помойкой питается. Это про автора, хотя про покойных не надо так. И не ты сказала, а тот – твой первый. Тоже непризнанный. Луч света в школьном царстве. Хотя, по слухам, он теперь совсем тронулся, в лаптях ходит.

Так! Все побоку. К черту! Следы дурной ночи. Рисуем портрет прекрасной дамы. И голове придаем форму дикой кошки. Для кого стараешься, милочка?

Ана провела горстью воды по своей классной стрижке.

Не зря парикмахеру Гоше плачу, черт меня раздерри. От дикой кошки – не за тридцать, а до. Подвела глаза, чтобы подчеркнуть миндаль, но не перегнуть к арахису или, упаси господь, к ореху бразильскому. Немного естественного цвета на нос с легкой горбинкой – блестит, зараза. Немного румян, немного солнечного мая. Видно, для себя стараешься. До тридцати, а сколько – не ваше собачье дело.

Так. Все прекрасно-шоколадно. Опуститься легко, подняться сложнее. Да и противно быть хуже, чем можешь, будто зубы не чищены. И еще есть дело! Кстати, милочка, сегодня и нестарые-привлекательные делом живут. Помнишь, у тебя двести человек под крылом? Может, ты их даже любишь. А они – тебя. Черт! Как там сказал этот менеджер, что приходил пару недель назад? «Того, кто жалуется на судьбу, надо ударить молотком по голове. Деревянным. Не до смерти. Чтобы радовался тому, что есть». Философ! А быстро он тебя разговорил на откровенность. Но не вариант. Женат, дважды женат. Слишком много жен и детей. Безнадега.

Ана разогрела «Гольф». Потом вывела машину дворами, пробила пробку, слава богу, только одну – повезло. Потом был день. Замечательный – пролетел незаметно. И она снова пробивала пробку по дороге домой. Длинную, но без обычного раздражения, когда тупо двигаешься по пять капель в час. И мыслей не было, думалось без них, ни о чем, обо всем. На «кольце» минут десять пришлось стоять, только «Гольф» недовольно ворчал. Зимний дождь не барабанил по крыше, а шелестел. Капли – редкие. Крупинками ложились на ветровое стекло в свете фонаря. И как бы впитывались в бежевые джинсы.

У супермаркета Ана притормозила и – удача! – сразу нашла место, поставила машину. Ряды с продуктами. Корзина на колесиках постепенно заполнялась, постепенно до верха, пока сверху уже не осталось места – всего, милочка, не купишь.

Ана пробралась к кассе, соображая, хватит у нее рублей или придется корзину парковать, бежать менять баксы¹? Достала из сумочки кожаный блокнот-бумажник и успокоилась: не хватит рублей – расплачусь кредиткой. Все-таки жизнь порой похожа на нормальную. Взгляд оторвался от денег и застыл в изумлении. В трех шагах от Аны стоял Музыкант. Почти такой же, как во сне. Только одежда была совсем другой, какое-то подобие фрака. Именно подобие – с тем же успехом эту странную одежду можно было назвать подобием сюртука или черного френча. Но только сверху – дальше шли строгие брюки с безупречными стрелками и лаковые концертные туфли.

Длинные густые волосы Музыкант так же, как во сне, откидывал назад, после чего они неспешно рассыпались и снова закрывали лицо, требуя нового броска. Волосы были чистые, а музыкант – худ и нервен, но не беззащитен, как в дурацком сне. Сам по себе не похож на ущербного, и задумчивость была как защита. Он почти не видел мир вокруг, думал о своем,

¹ Действие первой части происходит в условных «девяностых» XX века в Москве, когда мобильные телефоны были не у всех, в каждом торговом центре можно было быстро обменять доллары на рубли, оплата банковской карточкой была не моде, а в кафе и ресторанах можно было курить. Даже в Первую градскую больницу можно было приехать ночью с пострадавшим и долго искать дежурного врача, была такая история (прим. автора).

иногда выходил из раздумий, чтобы от чего-нибудь оттолкнуться и снова уйти в себя. А нервозность – она, видно, глубоко внутри жила, только тенью на лице отражалась. И глаза тревожные, немного зеленые, немного карие. Но вот внутри мелькнула мысль, и глаза рассмеялись. И снова в тревогу ушли. И лицо не двадцатого века. И не двадцать первого. Не только от длинных волос. Нос узкий, с заметной горбинкой, но главное – глаза. Немного зеленые, немного карие.

Ана, не думая, не соображая, бросила доверху набитую тележку и отступила на пару шагов, продолжая наблюдать, как передвигается знакомый образ. То, что нет полного сходства, ее не смущало, перепутать было невозможно – это был Музыкант, с круглым хлебом и большой бутылкой минеральной воды. Перед ним в очереди стоял всего один человек, но его быстро рассчитали. И тогда Музыкант выложил на прилавок свою нехитрую добычу и добавил пятьдесят рублей, раскрыв ладонь с божественно длинными пальцами. Таким жестом, словно это был миллион фунтов одной бумажкой. И сдачу он с легкой щедростью забрал не всю, монетки оставил.

Ана продвинулась вперед и шестым чувством угадала, что если не сделать сейчас нечто, он уйдет. И навсегда останется образом из сна. Не думала, не соображала, про книжонки вроде «10 способов, как поймать мужика за хобот» и вовсе забыла. Но словно знала, что делала. Тележка осталась в проходе, а Ана проскользнула мимо кассы и остановилась перед Музыкантом. Посмотрела ему прямо в глаза, чтобы он ее увидел, и кивнула, как старому знакомому.

– Здравствуйте.

Музыкант даже не удивился. Улыбнулся глазами и уголками рта со своей высоты (голливудская разница – 180 против 170) и задал совершенно странный вопрос.

– Добрый вечер. Простите, не помню. Вы у меня кто?

– Я? – Ана смутилась. – Я – Ана.

– Да. Да, спасибо. А ваша дочь? Или...

Здесь Ана уже не нашлась что ответить. Но Музыкант отворил дверь, пропуская ее вперед, и продолжил:

– Вы извините, ради бога, у меня ведь много учеников. Всех, конечно, помню, но не всех родителей. Впрочем, любой разговор, он идет по одной схеме: «Как мой?» «Не беспокойтесь, все хорошо. Только прошу вас очень мягко напоминать, чтобы занимался каждый день. Лучше два раза в день. Иначе вы зря тратите свои деньги». Высокомерно, да? Простите, совершенно не умею общаться. По-деловому? Да?

– Не надо по-деловому. – Ана приняла игру, включилась в нее. – Зачем? А сколько у вас учеников, если не секрет?

– Да бог с вами, какой секрет? Десять каждые полгода. И каждые полгода пять уходят и пять приходят.

– А почему?

– Ну, если строго – сам виноват. Не смог раскрыть. Не хватило общих сил пройти первые шаги, от которых хочется заниматься дальше. Но гитара – вообще сложный инструмент. У некоторых просто нет физических данных. Впрочем, это, наверно, неинтересно. Давайте...

– Нет, интересно! Очень. Если расскажете...

Музыкант опять не удивился, будто был готов к такому разговору. Он развел руками, в которых, кроме минералки и хлеба, оказались свернутый плащ и широкополая шляпа.

– Знаете, это трудно – говорить с таким безобразием в руках. Давайте вернемся, там есть кафе. У вас есть пять минут?

– Давайте, – Ана улыбнулась и даже потрянула головой.

Они вернулись, прошли через мелкую сутолоку возле касс и попали в полумрак – в позднее время большую часть света в кафе приглушали, а столики стояли пустыми.

– Вы – кофе?

– Да, только не очень крепкий. Со сливками.

– А мне можно, я поздно ложусь.

И потом Ана растворилась. Музыкант что-то рассказывал про детей, взрослых, про ступеньки. Какие ступеньки? Ах, да – ступеньки развития, на одну взберешься, до другой дотянешься. Много жестикулировал, перебирая воздух длинными пальцами. И время от времени прерывал рассказ и спрашивал, не утомил ли Ану? Будто боялся всем телом навалиться на любимого конька, зная, что тот понесет его бог весть куда. Но Ана каждый раз успокаивала, кивала. И про себя успевала замечать, что не слушала, но слышала. И два раза даже внятно заговорила, попалась знакомая тема.

«УВАЖАЕМЫЕ ПОКУПАТЕЛИ, НАШ СУПЕРМАРКЕТ
ЗАКРЫВАЕТСЯ...»

«ВАШЕ ВРЕМЯ ИСТЕКЛО, КОНЧАЙТЕ РАЗГОВОР...»

– Вот уж верно, – Музыкант продолжал смотреть на Ану тревожными глазами, но в тревоге они почти смеялись, лучились уж точно, – за пять минут ничего не расскажешь, да? Пойдемте?

– Да. – Ана тоже очнулась и начала думать, как выкручиваться, если он опять спросит про дочку или сына.

Морозный ветер и редкие капли. Очень свежий воздух, для Москвы – очень свежий.

– Уже поздно. Я провожу вас. Хорошо?

– Лучше я вас подвезу. У меня здесь машина.

Музыкант на секунду задумался. И согласился.

* * *

Ана проснулась. В своей кровати, в своей квартире. Утробно-водопроводный звук затихал. Божественный звук.

Интересно, что более невероятно – вчерашний дурацкий сон или волшебная встреча сегодня? Не бывает такого. Ни того, ни другого. Но рука еще помнила поцелуй Музыканта. Нет, не в двадцатом веке он родился.

Ана широко раскрыла глаза. Закрыла. Открыла. На кухне чуть не опалила широкий рукав ночной рубашки, но ругать себя душой не стала. Из соседнего подъезда раздался дребезг водопроводной системы. Или не из соседнего? Господи, какое мне дело до того, где это? Вибрация или точечный резонанс. И до моего бывшего тоже никакого дела. В этом же доме живет Музыкант. Странно, да? Была тысяча возможностей встретить его раньше. Но дом огромный, и дальний подъезд – это как другая улица, если не другой город. И она позволила себе звук «вау», когда Музыкант сказал, куда его везти.

– Вау! Это же мой дом!

– Значит! Значит, мы живем в одном доме. Впрочем, он очень большой. Я как-то слышал, в нем живет десять тысяч человек. Это как небольшой город. Да?

– Да.

– Сегодня многие жалуются, что соседи не знают соседей. Вернее, еще раньше начали жаловаться, когда жили в пятиэтажках. Но, думаю, это неизбежно. И не оттого, что мы плохие, хуже, чем раньше. Довольно нелепая фраза – «жизнь такая», но в подобной нелепости есть правда.

Ана молчала, находилась в двойном состоянии – все видела и слышала, но едва управляла собой. Ей надо было что-то придумать, чтобы Музыкант предложил увидиться еще раз. Но голова отказывалась помогать.

А Музыкант оставался безобразно галантным и сдержанным.

– Спасибо. До подъезда я дойду сам, это уже рядом. Простите, что не узнал вас сразу. Спасибо.

Он протянул Ане руку, перехватил ее кисть своими огромно-длинными пальцами и нежно поцеловал. Нет, не в двадцатом веке... Но от этого видеть, как он удаляется, легче не стало.

Музыкант отошел шагов на десять и покачнулся, будто его раздирали две силы. И вернулся.

– Простите, совершенно не умею общаться. Или, что называется, знакомиться. Да? Мы могли бы встретиться? Мы так и не поговорили о вашей...

Ана рассмеялась. Возвращение Музыканта вернуло ей силы.

– Да нет у меня никакой дочери. И мужа нет. И вообще, наша встреча это почти недо-разумение. – Ана подумала секунду и добавила, – Нет, недоразумения не было. Все очень необычно. Но я не могу сразу рассказать, как все вышло. Не поверите.

– Поверю.

Ана рассмеялась.

– Все равно, лучше не сегодня. Вы только поверьте, что я тоже не умею знакомиться.

– А я это почему-то знаю. Немного странно. Да?

– Очень странно.

* * *

Ана вернулась в комнату. Опять пошла бродить по квартире, пытаясь найти непонятно что. И когда нашла отражение в зеркале, оно не показалось ей несчастным. Напротив, никакого недовольства собой. Глаза лучились. Господи, как у девчонки после первого поцелуя.

Все привычные ночные звуки ушли на восьмой план. Или девятый, несуществующий. Не хотелось покупать подушку пенсионеру. Нет, все-таки надо купить, пусть у него будет маленький праздник. Совершенно не волновало, что будет завтра. Придется маскировать круги под глазами или нет? Хотя, если будут, придется. Никуда не денешься. Надо пережить целый день, а вечером быть в том же кафе.

Он странный, по-хорошему странный. Ничего не скрывает. Умеет рассказывать, да? Ты хоть что-нибудь помнишь, что он говорил? Кажется, да, но это тоже почему-то не волнует. Святая беспечность. Ты же его совсем не знаешь. Может, он будет занудой. Или хуже того. Может, для него, кроме музыки и детей, чужих детей, ничего на свете не существует. Да?

Напугала себя, да? Ну, вот. Переняла его манеру прибавлять утверждающий вопрос в конце фразы. Но не напугала. По-фи-гизм. Полный. Уверенность, что все будет хорошо. Как-то все само собой получилось, как по нотам расписалось. Интересно, рассказать ему, что меня родители учили играть на пианине? На фонé. Это ж надо дать инструменту такое прозвище – ох, не любила я заниматься. Сколько лет к нему не подходила? Столько не живут. Ладно, милочка, ты дом не буди, этого звука никто не переживет.

Ана подняла крышку «Петроффа» – чешское, дорогое по советским меркам – беззвучно прикоснулась к клавишам. Почему-то сейчас они были приятны, хотя в детстве терпеть их ненавидела. Пальцы прикоснулись к белым клавишам и издали легкий стук. С такими ногтями не сильно поиграешь. А у Музыканта на правой руке длиннющие ногти. Ухоженные, чистые. Только на правой. Интересно, это так, просто, или на гитаре ногтями играют? Кажется, не ногтями. Есть такие пластинки, зажимаются пальцами. Черт! Ничего не знаю. Надо узнать, а то... Что то!?! Обидится? Не думаю. Он же не дурак, слава богу.

* * *

Закрывать дверь никак не получалось. Черт! Почему замок заедает, только когда торопишься? В десять встреча, сейчас уже половина, успевание на грани.

Наконец, замок смилостивился и правильно щелкнул. Ана обернулась к лифту и еле подавила гримасу – пенсионер из соседней квартиры, как кукушка, высовывался из полураскрытой двери, ждал Ану, явно хотел поговорить, рассказать про дочку, про подушку.

– Аночка...

– Простите, Вадим Тихоныч, ей-богу, простите. Ужасно спешу.

– Аночка, дочка письмо написала! Скоро приедет. Увидишь...

– Простите.

Мимо них прошел странный человек, он жил где-то выше и всегда ходил по лестнице, будто в доме не было лифта. Ана прозвала его Буддистом, хотя наверное не знала, буддист ли он, мусульманин или просто человек, держащий четки напоказ. Передвигался он всегда так, будто плыл, а не шел – пластика тренированного тела, наверное. С беззаботно-светлым лицом, без тени привычных человеческих эмоций – озабоченности, раздражения, радости. Редкие волосы коротко острижены, глаза, хоть и поставлены не слишком широко, но так открыты, что создавали иллюзию неправдоподобной ширины, как у морского волка. Не злого, не доброго. А четки блестели в руках, пальцами сплетенных на солнечном сплетении. Черные, очень длинные, наверное, в сто бусин, свернутые в два кольца. Одежда обычная, никакого шафранного покрывала на плечах, просто спортивный стиль. Нет, не просто, не совсем простой – не дешевый, не рыночный.

Буддист чуть наклонил голову, здороваясь с Аной и Пенсионером. Они наклонили головы в ответ и глазами проводили его по ступенькам вниз.

– Аночка, я тебе вот что скажу! Сумасшедший он, – пенсионер оживился и забрызгал Ану слюной.

– Почему вы так?

– Я тут с ним поздоровался нормально, здравствуйте. А он только головой своей наклонил ко мне. Ни здрасьте, ни досвиданья.

– Ну и что? Что ж его, в сумасшедший дом за это? Он же плохого ничего не делает.

– А кто его знает, чего делает? Ходит целыми днями, когда работать надо. Чечен. С бусами. А знаешь, он себе руки ломает, когда никто не видит.

– Как так? – Ана опешила. И сразу вспомнила, что времени еще пять минут назад было в обрез. – Ой, давайте вечером, сейчас ей-богу спешу. Очень!

Пенсионер пожевал губами, не хотел отпустить, но Ана быстро проскользнула в лифт и нажала на первую кнопку.

* * *

Вчера они снова встречались с Музыкантом. В том же кафе. И пили кофе. Он – черный, она – со сливками. Много чашек.

Он принес цветы, пять чудных чуть зеленых роз. Лимбо. Необычных. Господи, они волшебным пахнут, Ана только посмотрела на цветы, сразу вспомнила запах. Она все думала, рассказывать про сон или нет? Но разговор пошел так, что рассказывать не пришлось. Музыкант сам говорил, легко было слушать.

О чем? Обо всем. Болтали, как дети. Ужасно легко. Ана сама усаживала Музыканта на его конька и расспрашивала про гитару. Узнала много нового. Во-первых, на гитаре играют ногтями. До восемнадцатого века играли просто пальцами, а потом победили те, кто отрастил

ногти на правой руке. Левши – на левой. А пластинкой – как ее, черт, медиатором – на классической гитаре не играют, только в роке, джазе, кантри. И вообще, гитара это первый по количеству тембров инструмент. И оттого такой сложный. Тренькать на аккордах – очень просто, а играть – намного сложнее, чем, допустим, на фонé.

Но Музыкант с конька слезал, даже не очень охотно рассказывал про музыку. Ему и так было о чем поговорить. Они с Аной все оправдывались друг перед другом – он ничего не понимал в деловой жизни и коррекции психологического климата, она – в его ремесле. Но все решалось просто. Он впитывал то, чем живет Ана, задавал вопросы по делу, далеко не наивные. Если поработать, из него можно вылепить нормального человека, только надо ли?

Потом поехали на Воробьевы, на смотровую. Рядом, под силуэтом большого трамплина, около церкви, раскинулся табор мирных байкеров. Стало холодно, и он прижал Ану к себе. При этом смешно оправдывался, говорил, что не лезет, просто хочет отдать немного тепла. Как смешно, как славно. Немного наивно, но черт с этим разделом – это наивно, это по-взрослому. Ничего нет, когда просто хорошо.

Да, просто. На встречу Ана успела – пробки рассасывались сами собой. А вечером положила руки Музыканту на плечи и взглядом попросила о поцелуе. Он понял и не стал ломаться, хотя средневековая галантность все держала и держала его в цепких лапках. Но победа досталась Ане. Как славно. И пряников сладких отнять у врага не забудь.

III

Музыкант ехал в метро. Было тесно и душно. Скверно. Справа несло перегаром и матюш-ком, слева из ушей переростка лет двадцати пяти надрывался Бон Джови – так, что у Музыканта голова потрескивала. Он не был классической недотрогой и неплохо знал старый рок, но так бить по ушам – немилосердно.

Музыкант усмехнулся, вспомнил, как пару дней назад в такой же толкучке в метро мужик на вытянутой руке нес торт, спасал его от народа. А из торта вдруг раздался второй Бранденбургский концерт. Брови Музыканта поползли вверх – не крыша ли едет? Не спеша, тихо шифером шурша. Но все обошлось, концерт шел не из торта, а из «бананов» в чьих-то ушах за мужиком. Тоже было громковато.

Они уже неделю встречались с Аной. Целовались, были счастливы, никак не могли наговориться, наобниматься. Пару раз Ана заезжала за Музыкантом в школу, и тихонько, подглядывая через неплотно прикрытую дверь, наблюдала за его уроком. Он брал гитару и погружался в музыку, закрывал глаза и смешно тряс головой. Ана, когда увидела это, в десятую часть голоса хотела засмеяться, но вдруг почувствовала, что плачет. Может, музыка навеяла? Ничего не поняла. И потихоньку счастье становилось привычным. Пожалуй, по-хорошему – сложно было провести вечер, не повстречав друг друга. Или хотя бы не позвонив. Раз пять на ночь.

– Пии-др! – матюшок слева принял адресный характер и отвлек Музыканта от мыслей, от Аны. – А, пидр. Че, парик купил? Гля, Сань, чисто девка!

Музыкант обернулся и увидел пьяненького хомо сапиенс, даже трех. Первый пытался дотянуться невымытой короткопалой лапой до волос Музыканта, а второй, его как бы удерживал, третий мало обращал внимания на игры первых. Толпа почувствовала страсти, чуть отхлынула назад, и пространство вокруг Музыканта и сапиенсов очистилось.

– Брось его, Лер. – Второй хомо чуть сдерживал первого. – Ну его на фуй.

Музыкант даже не понял, что происходящее может к нему относиться. Обычный бред толпы в метро всегда казался просто фоном и не касался его уже который год. И сейчас он не стал обижаться, огрызаться на сапиенсов. Просто протиснулся к дверям напротив, хотя ему еще рано было выходить. Но хомы не отставали и пошли вслед за Музыкантом – толпа их легко пропустила, только одна женщина с признаками истерики на лице начала издавать тихие звуки – про сволочей и милицию. Как бы про себя, как бы для всех.

– Че, испугался, муда?

Теперь уже стало ясно, что подземный бред выбрал именно его, Музыканта. И от этого стало безразлично, но еще не страшно.

Дальше пошли ступеньки, потом ступеньки эскалатора. Музыкант старался не спешить, доказывал самому себе, что все это не может его касаться, и тут же вспоминал, как еще в школе кого-то удачно двинул в челюсть. Но перегар и матюшок шли следом. А на эскалаторе невымытая лапа стукнула Музыканта по руке.

– Во пидр! И ногти, гля, как у девки.

– Слушай, ты! – Музыкант наконец вышел из себя.

– Ну я! Ты че, пидр?

И опять к нему потянулась невымытая лапа.

Сердце неприятно ушло в пятки, Музыкант стал бледен, просто мертвенно бледен на фоне розовощеких хом, которым кровь пополам с портвейном уже ударили в голову, да не сегодня, а лет много назад. И этот коктейль бился в просторах черепа, ища выход – то в мыслях, то в словах.

А у Музыканта не осталось мыслей и слов. Наверное, это и есть страх, противное животное замирание, когда кроме трясущегося тела не остается ничего, и только наверху, как птен-

чик на айсберге, пищит остаток разума, уговаривая быть спокойным. Но голос его не слышен. И все звуки вокруг сливаются в непрерывный гул, в котором только с усилием воли можно услышать, как колотится сердце.

Музыкант отшатнулся от надвигающейся лапы и сделал несколько шагов по ступенькам, глазами ища помощи. Но откуда ее взять? Позвать дяньку милиционера не позволяла гордость, она же глупость, такая же дремучая, как животный страх. Он быстро сошел с эскалатора и почти бегом, под уханье сапиенсов, проскочил в двери. Дальше поворот, еще поворот и остановка автобуса. Здесь люди. Здесь безопасно.

Но хомам это было фиолетово – этому слову Музыканта дети научили. Или ультрафиолетово. За высокого мужика никто заступаться не будет.

– Ты че, сука, меня ударил? – короткопалая лапа опять потянулась к лицу и, дернувшись, смазала по щеке и подбородку.

Толпа пришла в легкое волнение и опять отхлынула, оставляя Музыканта с хомами наедине.

– Ты, че, пидр? – еще один мажущий удар в лицо.

Толпа слабо заголосила про безобразие.

Музыкант перехватил дипломат из левой руки в правую и попробовал отмахнуться, задеть ближнего хому. Это было ошибкой, за взмахом пошел первый настоящий удар. А дальше время-пространство переменялись. Душа вышла из тела, взлетела невысоко и стала наблюдать, как три хомы пляшут возле фигуры на земле. В голову, в живот, в спину. Фигура корчилась и закрывала лицо руками, а руки головой. Так продолжалось, пока из полутьмы не выплыла другая фигура с длинными четками в руках.

– Ребята, чего бьем? – фигура светлым ликом оглядела поле брани и подмигнула хомам, показывая, что она своя, тоже из сапиенсов.

– Сань, гли, еще пидр! С бусами. Дай сюда!

– Тихо, тихо. Своих не надо. Че на своих? – Буддист отступил на шаг и раскрытыми ладонями попробовал остановить хому-леру, Валеру, самого резвого.

Он говорил со свойскими интонациями, как со старым другом. Но сапиенсы на мир были не согласные: не чуяли в нем друга, а вкус мяса – чуяли. Лера выждал, пока третий хома зайдет в тыл, начал атаку. И закончил. Четки совершили невидимый полет, а Лера застыл с поднятыми лапами, прищурился, словно пытался разглядеть Буддиста. Потом лапы потянулись к голове, Лера захрипел и снова застыл, обхватив уши ладонями.

Все так быстро пролетело-прошло, что третий хома не поменял курса – он по плану схватил Буддиста за воротник куртки. Но Буддист сделал половинку оборота, рука с четками сжала хомино горло, рука без четок несильно, казалось, хлопнула по затылку. И второй раз – чуть ниже. Все, тело на земле.

– Суукааа! – ожил первый хома, но не успел сделать и шага, как сомкнутые пальцы Буддиста трижды коснулись его шеи.

Все, еще одно тело на земле. Теперь у дракона осталась только одна пьяная голова. Поморгала и начала соображать. Но Буддист все про нее знал – неопасна. Он нагнулся к телу Музыканта, приоткрыл пальцами заплывший глаз, чтобы рассмотреть зрачок. Потом второй – второй не так пострадал, но с трудом расклеился. Уцелевший хома успел раствориться, а толпа стала издавать сочувствующие звуки: «Трогать не надо, его нельзя трогать!», «Воротник расстегните, ему дышать нечем!», «Милицию позовите, кто-нибудь!»

* * *

Милиция подросла быстро – повезло. Из «козлика» вылез немолодой капитан. И амбалсержант с коротким калашником и тупой мордой.

«Разберемся!», отлив толпы. И через какое-то время Буддист смотрел капитану в глаза немигающим взглядом и без всякого жара теребил его душу.

– Пойми, капитан, пока вы тут будете разбираться, пока будем «скорую» ждать, этот человек может умереть. Я врач, знаю, что говорю. Ему необходимо обследование! Срочно. И, возможно, операция. Тоже срочно.

Видя, что капитан колеблется, он добавил.

– Вот. Это мой паспорт, визитная карточка. Здесь телефон, адрес, мобильник, все. Оставляю у вас, никуда не денусь. Утром разберемся. Как ваша фамилия? Хорошо. Отделение? Хорошо. А сейчас помогите поймать машину. Поймите, повторяю, это серьезно и срочно. Будьте хоть раз человеком.

Капитан сердито засопел, «немигающие» слова Буддиста его расшевелили, а две сотенные зеленые бумажки в паспорте добавили сложных чувств. И все же от человеческого звания не стал отказываться, кивнул сержанту. Тот только повернулся к дороге, чуть махнул толстой рукой, и из потока вынырнула и остановилась потрепанная «Волга».

– Сержант такой-то, – проревел амбал, – пострадавших в больницу.

– Пострадавшего, – поправил Буддист. – С этими ничего страшного, через полчаса оклемаются.

– Ну смотри, ты врач!

– Смотрю.

* * *

– Куда? – водитель потрепанной «Волги» не оборачивался, но голос был нормальный, человеческий.

– В «Склиф». Хотя, знаешь, пока едем, я позвоню.

«Рома, привет, это я. У тебя сегодня кто в нейрохирургии дежурит? Да ничего, сотрясение у друга, может, позвоночник. Ребра – не считаются. Да, уличная драка. Надо просветить голову и хвост, мало ли что. Хорошо. Ты позвони, чтобы ждали. Спасибо. Давай. Давай, друг».

– Да, в «Склиф». Знаешь, как ехать? От площади покажу.

В «Склифе» их уже ждали – неведомый Рома все устроил по высшему рангу. Музыканта перехватили на каталку и повезли на «просвет». А через час дежурный врач по-свойски втолковывал Буддисту, что ничего страшного нет, обошлось без смещений, гематом нет, даже томографию сделали, и ребра без смещений.

– Хочешь, оставь его. Хочешь – забирай. Лучше забирай, если честно, с койками сейчас проблемно. Пусть дома полежит, поблюет денек и посыт, мочегонку не забудь дать, отека не будет. Ну и анальгетик, чего мучить, если честно?

– Сейчас, – чуть кивнул Буддист, – спрошу у него. – Он наклонился над Музыкантом. – Как вы? Голова кружится?

– Спасибо. Плохо. – Музыкант попробовал улыбнуться расквашенным ртом и раскрыть заплывший глаз.

– Ну, если улыбаетесь, дело на поправку. Голова кружится?

– Чуть-чуть. Я, пожалуй, могу сам.

Он потянулся с кушетки, но Буддист его притормозил.

– Нет, не надо, лежите. Давайте решим – едем домой или здесь остаемся? За вами есть кому ухаживать? Если есть, то давайте домой – уход, надеюсь, будет лучше. Вам повезло, ничего страшного. Ничего приятного тоже нет – сломаны два ребра, небольшое сотрясение. Но, по правде, я думал, все будет гораздо хуже. А так, придется полежать недельку. Все же, думаю, дома будет лучше, чем здесь. Едем, да? Нас на «скорой» доставят, я договорюсь. Главное, сразу для себя решите, что через неделю будете на ногах. А ребра до свадьбы заживут.

Музыкант услышал про свадьбу и занервничал.

– А-аа. Мне надо позвонить. Здесь есть телефон? Или лучше вы позвоните.

– Тихо, тихо. Не волнуйтесь. Сейчас позвоним. Давайте номер и кого спросить? Что сказать?

– Ану, – вяло прошептал Музыкант и назвал номер. – Скажите, что я... Что я... просто задержался... за городом. Что вернусь завтра. И сам позвоню.

– Нехорошо обманывать любимых, – Буддист чуть улыбнулся. – Но бог с вами, со мной. Буду врать.

* * *

В «Склифе» денег не взяли.

– Со своих!? Ну ты чего?

– А за машину?

– Да ладно, брось.

Буддист не настаивал.

Музыканта прямо на каталке вкатили в «скорую».

– Не ссы, мужик, – водитель был чуть навеселе. – Доктор сказал – в морг! Значит, в морг. Ща будем! Тебя куда?

Музыкант открыл рот и что-то прошепелявил. Под шум раздолбанного мотора ничего не было слышно. Буддист наклонился ниже, но разобрал только «Воды дайте!»

– Да, сейчас. Слушай, друг, притормози. Я воды куплю.

Музыкант благодарно присосался к бутылке, но быстро ее отпустил и застонал.

– Больно? Ничего, пройдет. Все пройдет. Как голова? Все помните? Куда нам ехать?

– В конец Ленинского. Простите, голова немного кружится. – Музыкант устало закрыл глаза. Буддист решил пока его не трогать.

– Друг, давай на Ленинский. Подъедем – покажет.

– Доктор сказал – в морг! Значит, в морг! Ща будем.

Возле перекрестка у «26 бакинских» Буддист тихонько потряс плечо Музыканта.

– Приехали, друг. Скоро дома будем. Давай, просыпайся.

Но Музыкант в ответ только застонал, раскрыл незаплывший глаз, уставился на Буддиста и снова провалился в забытье.

– Да, плохо быть глупым.

– Ты чего-йм? – икнул шофер.

– Это я про себя. – Буддист провел ладонью по нахмуренному лбу. – Сейчас у него адреса не добьешься. Только если пытаться. Надо было сразу, в «Склифе» спросить. Ххмм, – звук недовольства шел из горла тихим хрипом, как у небольшого тигра.

– Ну чего, обратно едем?

– Нет, не надо, нечего его трясти. Да. Ладно. Придется каяться.

«Ана, добрый вечер, простите, уже ночь. Я вам звонил час назад. Еще раз простите. На самом деле, ваш друг попал в госпиталь. Нет, ради бога, не волнуйтесь, все обошлось, хотя сложности есть. Да нет же, успокойтесь. Ничего страшного, будет жить долго и счастливо. Но сейчас он спит, я не могу узнать адрес, куда его везти. Кто я? Врач. И случайный знакомый. Не волнуйтесь, все расскажу. Потом. А сейчас, если не сложно, скажите адрес. Так. Что? Так. Забавно. Забавно. Да нет, не обращайтесь внимания, просто это мой адрес, мой подъезд. Да, бывает. Ладно, разговоры потом, мы через пять минут будем. Не волнуйтесь, все хорошо».

* * *

Музыкант спал на Аниной кровати. Буддист и бледная Ана с полубезумными глазами тихо беседовали, курили на кухне.

– Спасибо вам!

– Да бросьте, здесь не о чем говорить. А вам, конечно, хлопот будет немало. Если есть возможность, возьмите на неделю отпуск, первые дни его лучше не оставлять одного.

Ана, смотрела на Буддиста, кивала. Смотрела на его немигающие открытые глаза – от такого взгляда поначалу становилось не по себе. Но после сегодняшнего кошмара Ана прониклась к Буддисту таким чувством, что ей было по себе. Доверие. Смотрела на светлые коротко стриженные уже поредевшие волосы с серебриющимися висками, на лучи-морщинки у глаз. «Сколько ему лет? Сложно сказать, больше тридцати, меньше сорока. Или чуть за сорок? Не поймешь».

– Вы меня слушаете? – Буддист одним точным движением вдавил сигарету в пепельницу, она погасла.

– Да, конечно. – Ана стряхнула пепел и лишние мысли.

– Вот, здесь я расписал, что и когда надо давать. На первую неделю лекарства я принесу, сейчас. А потом выпишу рецепты. Курить только здесь, чтобы дым не шел в комнату. Повязку на груди менять дважды в день. Протирать кожу одеколоном и... Нет, йодную сетку не надо. Будете втирать мазь. Очень осторожно. Я принесу. Нет, это китайская мазь, вы здесь не купите. Так, дальше. Пока никакого телевизора. Только музыка. Очень негромкая и спокойная. Я возьму несколько дисков, они помогут восстановиться. Надеюсь, очень быстро.

Ана продолжала кивать каждому второму слову.

– Ладно. Все обойдется. Уже поздно.

На этом слове раздался мелодичный звонок в прихожей.

– Так, это меня. – Буддист вернулся с мобильным телефоном.

«Да. Да, это я. Да. Да, понял. Может, утром? Я же сказал вам, что никуда не денусь. Да. Да. Хорошо. Я сейчас в своем подъезде, но не в своей квартире. Да, рядом с потерпевшим. Что? Хорошо. Как скажете. Не волнуйтесь и не пугайте. Я буду».

Буддист пустил тень улыбки по лицу.

– Что-то серьезное?

– Нет. Или да. Не знаю. Это милиция. Меня бережет. На самом деле можно было догадаться. Там все просто – пострадал не только ваш друг, но и люди, которые его били. Думаю, ничего страшного.

– Господи, столько у вас неприятностей!

– Нет. Это пустяки. Мне сейчас придется спуститься вниз. За мной приедет их машина. Не обращайтесь внимания, пусть играют в свои игры. Так, у нас мало времени. Это ключ от моей квартиры. Там никого нет, вы никого не потревожите. Дайте, пожалуйста, еще один лист бумаги. Так. От прихожей сразу направо, в большую комнату. Выключатель от двери справа. Дальше вторая секция стенки – там лекарства. Возьмите все, что надо, список у вас есть, найдете легко. Над этой секцией отделение. Да, сразу сверху. Там найдете мази. Возьмите вот такую, там два крупных иероглифа на коробке, вот такие. Не надо мазать густо, чуть-чуть берете на кончики пальцев и осторожно втираете в кожу. Сильно не нажимайте. Нет, не на всю поверхность, по точкам. Да, вот здесь, на груди. И здесь на спине. Дальше, здесь на затылке, здесь на руках, и еще четыре на ногах.

Буддист резкими штрихами, как художник, успел набросать и план квартиры, и расположение полок в стенке, и двойную фигуру человека – спереди и сзади – и каждую фигуру покрыл десятком точек. Ана только кивала, стараясь ничего не пропустить. Хотела сказать,

что неудобно заходить в квартиру без хозяина, но знала, что Буддист ее оборвет и скажет, как надо, что правильно, что неправильно. И послушаться его будет сложно. Просто невозможно.

– Хорошо. – Он продолжал думать и одновременно набрасывать на картину последние штрихи. – На первый день этого хватит, а потом я вас навещу. Посмотрим, уточним. И теперь мне надо быстро сделать звонок.

Ана рванулась к телефону, но Буддист с той же тенью улыбки ее остановил. Показал, что мобильник у него в руках.

«Сергей Васильевич. Ради бога, простите. Знаю, что уже очень поздно. Да, но... Не спите? Это плохо. Поговорим, да, при встрече поговорим. Но сейчас, как ни странно, хорошо, что не спите. Сейчас ваши орлы попросили меня зайти в NNN-ое отделение. Да, будет разговор. Нет, не натворил, вы знаете, я ничего не творю, если не просят. Это самозащита. Да, да. Самозащита. Думаю, справлюсь сам, но на всякий случай прошу подстраховать. Если есть возможность – лучше не сразу, только если я не позвоню в течение часа. Зачем? Ну, считайте это моей блажью. Хочу посмотреть на орлов в естественной среде. Что? Нет, е...ь их не надо. Нет, только если не позвоню. Потерпите еще часок? Славно! Спасибо. Спасибо».

Буддист сложил телефон и повернулся к Ане.

– Простите, Ана, за грубое слово. Когда говоришь с пациентом, приходится перенимать его язык, иначе... Ладно, вы человек здоровый, все понимаете.

Ана востро улыбалась. Грубое слово сняло напряжение, что накатило на нее, когда Музыкант с сильно побитым лицом появился в дверях, когда Буддист его укладывал, останавливал кровь – из носа пошла, залила подушку – и резко говорил Ане, что надо делать. Как медсестре.

– А вы действительно ломаете себе руки, когда никто не видит?

Если бы Буддист умел изображать удивление, он бы, наверное, изобразил. Но вместо этого его брови чуть дрогнули – какая-то картина восстанавливалась по деталям. Через секунду брови дрогнули еще раз.

– А, вы про это? – Буддист левой кистью захватил правую и заломил руку до еле слышного хруста в суставе. – Нет, не ломаю. Разминаю. Ну, до завтра. Вернее, до сегодня.

* * *

Ана не спала, слушала, как постанывает во сне Музыкант. В голове немного шумело – от волнения, усталости и сигарет. Ана никогда так много не курила, обычно баловалась сигареткой-другой днем и вечером.

Большая комната Буддиста действительно оказалась большой. Ана быстро нашла выключатель и не сразу поняла, где находится. Это был целый зал – метров тридцать квадратных, а то и больше. Потом догадалась, что здесь просто удалили стену, и из двух комнат получилась одна. Но большая.

Ана торопилась, боялась, что Музыкант проснется. Но любопытство оказалось сильнее – Ана прошла по периметру зала. Середина была пуста, а все, чем жил Буддист, разместилось вдоль стен. Большой стол с двумя компьютерами, огромный телевизор, огромная акустика – Ана никогда не видела таких гигантских колонок с устрашающими кругами динамиков. Отдельно – хитроумный спортивный комплекс с перекладинами, канатами, перетяжками и какими-то механизмами – качалками разных мышц, должно быть. И сразу три боксерских мешка разных размеров, на разной высоте.

Ана прошла вдоль полок с книгами. Бодлер, Гессе, Аристотель, Платон, Платонов, Сенека, Мандельштам. Все в куче – полный зоопарк. Дальше шли книги по боевым искусствам. Айкидо, дзюдо, еще какое-то «до», карате, джиу-джитсу, кунг-фу... нескончаемый список. Разные языки. И ни одной книги по медицине. Может, он не врач? Полки с дисками. Ничего русского, сплошной космополитизм – от The Animals до The Best of Claudio Arrau. Такой же

зоопарк, как в книгах. Дополненный экзотикой с иероглифами и не то арабской, не то еще чьей-то вязью, не прочтешь.

По дому пронесся знакомый водопроводный звук – ангел ночи. Ана вздрогнула. Надо быстро брать лекарства и возвращаться домой.

* * *

Музыкант снова, не просыпаясь, застонал.

Жуткий вечер. Ана не знала, что думать. Бросил? Напился? Попал под машину? Когда не знаешь что думать, всегда накатывают дурные-дурные мысли. Ана отгоняла их, уговаривала себя не психовать, но дурные мысли возвращались.

Ближе к ночи раздался звонок и чей-то очень спокойный голос сообщил, что Музыкант задержался за городом, не может попасть в Москву, но просил передать, что все в порядке, завтра приедет и все объяснит. А через час этот же голос покаялся, что соврал ради спокойствия Аны, что Музыкант попал в уличную драку, потом в госпиталь, но все в порядке – не будет жутких последствий, в «Склифосовского» сделали необходимое обследование, правда, пока дела у Музыканта не очень хороши, придется недельку полежать, подлечиться.

От слов «полежать, подлечиться» стало немного легче. Они как бы намекали на несерьезность происходящего – ну простудился человек, насморк у него, закапаем в носик, подлечит, подлечится человек и выздоровеет. Всего ничего. Докторская уловка.

Ана назвала свой адрес и в ответ услышала: «Забавно. Забавно».

Закурила еще одну сигарету. Чуть открыла окно, чтобы дым не шел в комнату. Господи, уже четвертый час ночи. На работу, конечно, не пойду, к черту работу, обойдутся без меня. Но мысли металась между «к черту работу», Музыкантом, Буддистом. Что там в милиции, почему его «попросили»? Обрывки мыслей. «Пострадал не только ваш друг, но и люди, которые его били». Айкидо, дзюдо, джиу-джитсу, кунг-фу, три боксерских мешка. «Нет, не натворил, вы знаете, я ничего не творю, если не просят. Это самозащита. Самозащита». Понятно, что пострадали. В голове мелькнул древний фильм, где Золотухин, защищая семью, убил парня с красивым наглым лицом. И его засудили, Золотухина. Господи, этого еще не хватало.

Утро. Стон Музыканта. Ана не сразу раскрыла глаза, не сразу поняла, где и что. Свернулась калачиком в кресле – кровать в доме одна. Можно было калачиком на краю, возле Музыканта, но получилось в кресле. Во рту скверно – ужасно много курила. Ужасно хочется кофе.

* * *

Запах кофе, как в дурацкой рекламе, поплыл по квартире и разбудил Музыканта. Он тоже долго соображал, что и где. Почему не у себя, а на непонятно чьей кровати? За всю историю любви Ана и Музыкант так и не добрались до квартирных посиделок, средневековая галантность каждый вечер заканчивала поцелуем у подъезда.

Музыкант попробовал пошевелиться, но снова застонал. Организм чувствовал себя так, будто по нему проехали КРАЗ'ом. Дважды. Или «Леопардом» дважды, сейчас уже все равно, чем проехали. На новый стон выбежала Ана, бледная, с черными кругами у глаз.

– Жи-вой? – Ана посередине слова перешла на шуточный тон. Насколько смогла – вспомнила наставления Буддиста не показывать, что дела плохи, представлять все так, будто Музыкант получил пару царапин и не сегодня-завтра все заживет.

– Кажется. – Музыкант попробовал улыбнуться, память потихоньку возвращалась.

Ана подошла к нему.

– Прости, что я такая страшная. Почти всю ночь не спала.

– Это ты мне говоришь? – Музыкант попробовал улыбнуться шире, но разбитый рот не позволил. – Я-то, наверно... Представляю. Хотя лучше не представлять. Да?

– Ну, – Ана проглотила комок в горле, – твой друг сказал, что ничего страшного, через недельку будешь как новенький.

– Какой друг?

– Ну этот, что тебя вчера привел.

Музыкант на секунду закрыл глаза.

– Правильней сказать, что вчера меня спас. Кстати, я его совсем не знаю, вчера познакомились при пикантных обстоятельствах. Странный человек, да?

– Немного. Он живет в моем подъезде, но я с ним никогда не говорила, только раскланивалась.

Ана стала на колени и прижала руку Музыканта к губам.

– Хоть одно живое место есть, да?

Ана еще раз вспомнила про наставления.

– Не ной, милый. Чуть жалкая. Но пройдет. Быстро пройдет. Врач прописал быстрое выздоровление.

– Какой врач?

– Ну тот, что тебя вчера привел. И спас. Он врач.

Музыкант снова закрыл глаза. Попробовал вспомнить вчерашний вечер, но воспоминания шли обрывками и очень шумели, болели в голове.

– Это кофе? Хочу кофе.

– Прости, милый, но кофе не получишь. Будешь питаться витаминами, пока не выздоровеешь.

– Злодейка.

– Злодейка! Будешь лежать и меня слушаться. Будешь?

– Буду, конечно. Можно я скажу, что я тебя люблю?

– Дурачок.

– Не совсем.

* * *

Ане было приятно играть в доктора. Совсем как в детстве – любимая игра. Только французские духи переводить в качестве спирта было жалко, одеколону в доме не нашлось.

– Ничего, если я протру тебя водкой?

– Ты пьешь?

– А как же!

– Крошка любит выпить, этим надо воспользоваться. – Картавое подражание Музыканту удалось, челюсть еле ворочалась.

– Ты что-то осмелел за последние сутки.

– Просто из меня выбили всю дурь. Дай мне кофе.

– Угу! – Ана сосредоточенно разматывала эластичный бинт и с интересом разглядывала слишком стройный торс Музыканта. – Не стонать! Сейчас будем творить чудеса. – Она разложила перед собой буддийскую схему и стала наносить китайскую мазь на точки.

– Это он тебе нарисовал?

– Ты что, ревнуешь?

– Конечно. Конечно. Нет, конечно.

– Правильно. Господи. Если честно, я немного боюсь. За него. Ты помнишь, как все было?

– Отрывками. Прости, не хочется рассказывать.

– Его ночью забрали в милицию.
– Кого, этого подонка?
– Нет, нашего врача-хранителя.
– За что?
– Самооборона! – Ана повторила буддийское слово со знанием дела. – Это уголовно наказуемо.

– Шутишь?
– Не шучу, милый, не шучу. Впрочем, думаю, ничего ему не сделают.
– Почему он меня отбил у этих, не знаю как назвать? Странно, да?
– Просто порядочный человек. Или просто человек. Хотя и странный. Теперь, милый, обнажи свои ноги.

Музыкант лежал, почти сидел на высокой подушке, снова запеленатый в эластичные бинты. Кофе ему не дали. Ана кормила его с ложечки йогуртом, поила соком. Слава богу, продукты в доме были. Но немного, придется бежать за добычей.

После еды Музыкант ослабел. Или чуть раньше.

– Ты поспи, милый, я сбегая, куплю еды.
– Как твоя работа?
– Ничего, не волнуйся. Отпрошусь, простят.
– Ладно, сплю. Чувство вины оставлю на потом.

Ана легко-легко поцеловала Музыканта, чуть коснулась разбитых губ и выскользнула из квартиры.

IV

Сон продолжался целую вечность, но прервался. Снова пришлось соображать. Что это? Звонок дребезжит под ухом. Хорошо, что рука не думала, сама потянулась к телефонной трубке.

– Да.

– Доброе утро. Вы друг Аны?

– Да. А вы...

– Да, это я.

– Ана говорила, у вас неприятности из-за меня.

– Не из-за вас. И неприятностей, по большому счету, нет.

Голос Буддиста был ровный и светлый, чуткое ухо Музыканта уловило нотки, которых он у других людей не слышал. А обычные для людей нервозность, недовольство, довольство, сытость – их как будто стерли.

– Сейчас дело в другом, – продолжал Буддист, – мне придется вас потревожить, я оставил у Аны ключи от своей квартиры.

– Да, конечно... найдем. Когда вы будете? – Музыкант уже мысленно начал искать ключи, хотя понятия не имел, где их искать?

– Через минуту, заодно и вас осмотрю, если не возражаете.

– Господи, мне ли возражать!

– Вот и славно.

Через минуту Буддист позвонил и еще минуту ждал, пока Музыкант, охая, добрался до двери.

– Голова не кружится?

– Кружится немного. Но так, не очень сильно.

– Так и должно быть. На самом деле, ничего страшного нет. Не тошнит?

– Немного подташнивает.

– Хорошо, пойдите в комнату, я вас осмотрю. Секунду подождите, руки только вымою.

Буддист колдовал над телом Музыканта, рассматривал зрачки, легонько заламывал конечности, включая голову, нажимал на разные точки, очень незаметно задавал вопросы. А потом подвел итог.

– За пару недель я могу вас поставить на ноги. Только придется работать, само все не пройдет, курс должен быть активным, взаимным. Готовы?

– Куда ж я денусь?

– Хорошо, я вернусь, буквально через пять минут, возьму все необходимое и вернусь.

Вы пока лежите, дверь я только прикрою, не думаю, что сюда кто-то успеет забраться.

Входная дверь негромко хлопнула.

– А! Это Ана. Не придется оставлять вас одного.

Ана осторожно вошла в комнату.

– Услышала голоса, немного испугалась. У вас все в порядке?

– Да, в полном. – Буддист чуть наклонил голову, а Музыкант повторил наклон и поморщился от неприятного чувства чужа в голове.

– Вас продержали в милиции всю ночь?

– Нет, через час отпустили.

– Что же вы не пришли? У меня остались ваши ключи.

– Было уже слишком поздно, вам и так хватило волнений.

Ана даже не нашлась, что сказать в ответ. Буддист оставался невозмутимым, безобразно невозмутимым; казалось даже, если выкинуть какую-нибудь жуткую шутку, облить его водой,

кипятком, или крикнуть: «Я только что убила твою мать! Козел!» – он бы так же чуть наклонил голову в знак понимания. Впрочем, его глаза не были абсолютно безразличными, они чуть светились. Но не смеялись, как у Музыканта порой.

– Не волнуйтесь, Ана. Все хорошо. Сейчас возьму инструменты и вернусь. Будем чинить выздоравливающего. Не люблю слова «больной».

Входная дверь еще раз негромко хлопнула. И еще раз – ровно через пять минут.

– Ана, позвольте, я вымою руки.

– Да, конечно. Я свежее полотенце принесу. Мне можно побыть здесь, посмотреть?

– Можно.

Музыкант полулежал на высоких подушках. Буддист взял небольшую трубку, распечатал пакет с короткими иголками. Протер спиртом левую руку Музыканта и не спеша вогнал в ладонь и пальцы с десятков иголок.

– Что вы чувствуете?

– Не знаю. – Музыкант еле шевелил губами. – Кажется, я засыпаю.

– Хорошо. – Буддист отпустил руку на кровать, и вслед за ней отвалилась голова Музыканта, погрузилась в сон. – Пойдемте, покурим, Ана. Хотя вы, наверное, вчера так накурились, что и думать об этом тошно.

– Угадали. Я лучше выпью кофе.

* * *

Ана решила на вопрос, который долго вертелся в голове.

– Простите, я так и не спросила, как вас зовут?

– Бут. Зовите меня Бут.

– Такое странное имя.

– Это не имя, прозвище, еще со школы.

– Странно. Мой друг тоже любит, когда его называют как в школе – Кай.

– Каждый имеет право на собственные причуды, даже на собственный идиотизм.

– Да. Кажется, я где-то это читала. Не помню где. А что за странные иголки? Мне казалось, они должны быть длиннее.

– Они и есть длиннее – в классической китайской и японской акупунктуре. Но это особая техника – су-джок, корейская. Работа ведется небольшими иголками только на кистях рук и на стопах. Иногда это намного эффективнее корпоральной иглотерапии, поскольку...

– Вы действительно врач?

– Да, конечно. Рефлексотерапевт. А почему вы спросили?

– Вчера, когда забирала лекарства, не удержалась, любопытно было, посмотрела на корешки ваших книг. Ни одной медицинской не нашла.

– Понятно. Медицинские я храню отдельно. У меня есть очень редкие, просто бесценные. Будет жаль, если их случайно украдут. Специально – вряд ли.

– Дайте сигарету.

– Точно надо?

– Да.

Ана затянулась с легкой гримасой.

– Простите. Я слышала, что это помогает только... простите...

– Понимаю. Сейчас развелось много нетрадиционных лекарей. Но я – традиционный, не из тех, кто загоняет иголки с умным видом, ничего толком не понимая. Наверное, это худший вид шарлатанства.

Ана хотела виновато улыбнуться, но улыбнулась просто.

– Я вчера хотела позвонить, узнать, что с вами там происходит, но не решилась. Что они делали с вами?

Буддист чуть прикрыл глаза. И Ана вместе с ним провалилась в другой мир. Где не было стен, все звуки приглушены, как на небольшой глубине, только верхнего света и зеркала поверхности тоже не было. Ана чувствовала руку Бута – где-то рядом. Хотела повернуться к нему, но перед ней открылась полоса длинного темного коридора, он пошел прямо на Ану, несколько раз развернулся и раскрылся казенным кабинетом в NNN-ом отделении милиции. На казенном стуле сидел Бут, а напротив него в дешевом кресле за раздолбаным столом развалился потрепанный Орел в милицейской форме. Маленькая головка с глазами-бусинками. Жесткие, тронутые сединой перья топорщились на краю милицейского воротничка.

– Плохи ваши дела, уважаемый. – Орел посмотрел одним глазом через стекло очков в какую-то бумажку. – Вот у меня заключение дежурного врача Первой Градской больницы, что граждане Хомов Александр Владимирович и Саспинсюк Валерий Аркадьевич были доставлены с тяжкими телесными повреждениями. Сейчас врачи борются за ихнюю жизнь. Ваших рук дело? Так? Людей убиваете. Свидетели показали...

– Чушь. – Коротко прошипел-перебил Буддист и чуть прикрыл глаза. – В Первой Градской. Никто за них не борется. Ваш человек их туда доставил и сдал дежурному санитару. И получил санитарский диагноз «тяжкие телесные». Дежурного врача не нашли, да и не особенно искали. Вот и все. Один сейчас лежит на кушетке и держится за голову. Второй сидит на стуле со свинцовой примочкой на глазах. Чуть свет, они сами из больницы уйдут. Опохмеляться. Их даже оформить не успеют. А вы, уважаемый, просто затеяли повышение раскрываемости. Так?

– Так! – Встрепенулся Орел, стараясь не терять достоинства. – Значит, хамим. Ясновидящего строим. Только не выйдет, уважаемый. Свидетели показали, что вышеупомянутые граждане были жестоко избиты вами возле остановки, – Орел еще раз посмотрел в бумажку, – 759-го автобуса. Так что не советую, уважаемый. Даже не буду говорить, на сколько лет потянете, особенно с отягчающими. На много! На много.

Он опустил клюв, изобразил скорбную мину доброго следователя и придвинул к Буддисту лист бумаги и ручку.

– Вот вам бумага, пишите, как было дело. – Орел попробовал пристально посмотреть в немигающие глаза Бута, но не выдержал взгляда и опять стал изучать бумажку своей бусинкой через стекло очков.

– Свидетельских показаний против меня нет. – Буддист оставался волшебным спокойным.

– Так, значит, хамим.

– Бросьте. – Буддист достал мобильник и, не спрашивая разрешения, нашел номер.

– Это вы кому, уважаемый?

– Вам лучше не знать. Вот карточка моего адвоката, если будут вопросы, обращайтесь к нему, он в курсе всех моих дел.

«Да, Сергей Васильевич. Спасибо, помощь не нужна. Отбой. Нет. Нет. Еще раз спасибо. А в среду я к вам зайду. В три нормально? Хорошо. Нет, нет, все в порядке. Они у вас славные. Берегут мирную почву у нас под ногами. Спасибо. Постарайтесь уснуть. Помните волшебное слово? Повторите раз двести, следите за дыханием. Будете, как младенец, до утра».

Орел несколько сконфузился, будто петух, что гнал курицу, но не догнал.

– Это какой Сергей Васильевич?

– Неважно. Верните мои документы.

* * *

Ана открыла глаза и снова очутилась на своей кухне. Так и не поняла, как успела уснуть.

– Простите, после бессонной ночи отрубилась. Простите. Вам вчера сильно досталось в милиции?

– Нет. В принципе, ничего и быть не могло. Я немного знаю законы.

– Да какие законы? Вы же вчера звонили какому-то высокому чину, насколько я поняла.

– Да, для страховки.

– Вот и я о том.

– О чем?

– Что у нас удивительная страна, где милиция – большее зло, чем бандиты.

– Не думаю. Не думаю, что у вас есть точное представление: сколько там падали, сколько честных людей. Относительно честных. Давайте без лишних эмоций, Ана. С милицией вы общаетесь только на дорогах, из окошка Фольцвагена.

– Откуда вы знаете, что у меня Фольцваген?

– В комнате лежат ключи. Но это неважно. Есть обывательское мнение, что милиция – сплошная мразь, а менты-герои живут в телевизоре. Это только часть правды. Хотя другая часть есть в ваших словах – подонков там, пожалуй, больше, чем следовало.

– Их вообще не должно быть.

– Это идеальная картина, такого ни в одной стране нет.

– Но у нас масштабы другие. Кстати, страховка вам помогла?

– Наверное, да. Но не понадобилась. Когда я понял, что меня не будут бить бутылкой по голове, дал отбой.

– Какой бутылкой?

– На сто процентов не уверен, это опять же домыслы и сплетни. Но сплетни настораживающие. Говорят, что у наших копов есть своя техника – порой бьют так, что практически ничего невозможно доказать. Да и некому. Если человеку в течение нескольких часов стучать по голове двухлитровой пластиковой бутылкой, он сойдет с ума. Просто и надолго. Навсегда.

– Ужасно. – А ну передернуло. – Я только что про это говорила. А что стало с этими, которые его били? – Ана чуть повернула голову в сторону комнаты.

– Вы действительно хотите это знать?

– Честно говоря, мне хотелось бы их засудить.

– Это не понадобится.

– Они что, уже мертвы?

– Нет. Уже наказаны. И, пожалуй, теперь у них появился шанс, как бы сказать без красивых слов, стать людьми. Стать людьми. Без красивых не получилось.

– В каком смысле?

– В прямом. Одного будут преследовать сильные головные боли, алкоголь будет их провоцировать. У другого – прогрессировать слепота с еще худшими головными болями.

Ана вытащила еще одну сигарету из пачки Буддиста. Саму себя не узнавала – обычно трепетно вежливая с малознакомыми людьми, она вела себя так, будто знала Бута с детства.

* * *

Ана не успела закурить, как из комнаты раздался счастливый крик.

Музыкант сидел в кровати. И разглядывал иголки в своей ладони.

– Господи, что вы со мной сделали? У меня такое чувство, что я спал лет двести.

– Ну хоть выспались?

– Вполне. А который сейчас час?

– Одиннадцать. Вы спали полчаса.

Музыкант улыбался, как ребенок. И пока Буддист вытаскивал иголки и протира ладонь спиртом, ребенок не отпускал детское удивление, будто первый раз в жизни увидел фокусника.

– Хорошо, – Буддист подвел какой-то свой итог. – Если не возражаете, часов в восемь вечера я к вам снова зайду. А пока сестрой милосердия поработает Ана, она знает, что делать. Если будет скучно, послушайте музыку – вот, я принес несколько дисков. Это, собственно, не музыка, а так – набор звуков. Но они лечат. Телевизор смотреть не надо. И не позволяйте Ане много курить.

– Если не возражаете! – Музыкант попробовал передразнить слова Буддиста. Вообще, казалось, он впал в здоровое детство. – Да как я могу возражать? Столько хлопот и неприятностей из-за меня. Может мы...?

– Нет, спасибо, не надо.

– Да. Как скажете. – Музыкант виновато улыбнулся. – А играть можно? – Музыкант повел глазами в сторону Аниного пианино.

– Сегодня не стоит. А завтра – пожалуйста. Только до одиннадцати вечера. – Тень улыбки проскользнула по губам Бута. – И только до второго головокружения.

– Как до второго?

– Это просто. Первое может появиться случайно и, наверное, вас напугает. Не бойтесь. Ничего страшного у вас нет. А если придет второе, надо прилечь, хотя бы на полчаса. Значит, организм попросил небольшого отдыха.

Дверь легонько захлопнулась. Ана и Музыкант немного помолчали.

– Что ты хотел сказать? «Столько неприятностей... может мы...?»

– А, это? Да хотел предложить денег немного, но он перехватил мысль. Телепат. Странный, да? Порой мне кажется, он настолько нормален, что выглядит, как сумасшедший. Или наоборот. Что-то я запутался.

– Пожалуй, да, – кивнула Ана. – Ты действительно чувствуешь себя хорошо?

– Да, похоже на то. Давай позавтракаем на кухне.

– А постельный режим?

– Ты на что намекаешь?

– Дурачок.

– Не совсем...

* * *

Ровно в восемь раздался звонок. Как сигнал точного времени. Можно было подумать, что Буддист стоял под дверью, смотрел на часы и, когда стрелка отщелкала последнюю секунду восьмого, нажал кнопку звонка.

– Теперь поработаем с правой рукой. Глубокого сна, как утром, не будет, но иголки сделают свое дело не хуже, поверьте.

– Верю, конечно, верю. Ана сказала, вас зовут Бут. Не слишком фамильярно вас называть так? А то каждый раз запинаешься перед очередным «вы».

– Да, конечно. Ана сказала, вас зовут Кай.

Музыкант только прикрыл глаза в знак согласия, он еще чувствовал большую слабость и, хотя проспал полдня, к вечеру сил не набрался. Буддист, загнав последнюю иголку, пообещал:

– Сейчас потянет в сон, но буквально на минуту, потом пойдет прилив сил.

Через минуту Музыкант открыл глаза.

– Бут, Ана сказала, что эти, не знаю, как их назвать, станут инвалидами.

– Назвать их просто – гражданин Хомов, гражданин Саспинсюк. А инвалидами они не станут. Мы оба знаем, что они уже были такими, не совсем полноценными, не способными на общественно полезный труд.

– Это жестоко. И очень высокомерно. Прости... те.

– Прости! Если это не слишком фамильярно. Мы не глубокие старцы и не аристократы, вполне можем говорить друг другу «ты». И еще, это моя просьба, никаких запретов на темы и на мнения. Хорошо?

– Хорошо, Бут. Кажется, у меня действительно появились силы. Надеюсь, мнение о жестокости не от их прилива.

– Безусловно, нет. Если не сложно, расскажи, что ты нашел жестокого и высокомерного?

– Может, я что-то неправильно понял, но одному светит слепота. Светит слепота, почти смешно. А другому – вечная головная боль! В прямом смысле. Да? Жестоко. Да? Это их искалечит...

– Иskalечит что? Не заминай слова, Кай. Правила очень просты – никаких запретов на мнения. Говори, что думаешь. Иначе вряд ли что скажешь.

– Иskalечит что? – Музыкант повторил вопрос и откинулся на подушки. – Знаешь, что такое идиотский вопрос? Вопрос, на который сам можешь ответить, немного подумав. Все дело в том, сколько будет длиться это немного. Если ты немного подумаешь, вполне можешь согласиться, что это слишком жестоко. Если я немного подумаю, выйдет, что они получили по заслугам. Да. И где правда?

– А ты не думай. Говори, проговаривай. Попробуй следовать только самой мысли, а не тому, как к ней отнесутся, и где правда. Иначе встретишь тупик, из которого не выберешься. Тебе это знакомо?

– Да, конечно. Только непривычно. Вернее, привычно, но не для внешних мыслей. Это бывает, когда я просто думаю, сам с собой. А в спорах всегда приходилось оборачиваться. Да и споров обычно никаких нет, я обычно ни с кем не говорю о серьезных вещах.

– Серьезные вещи! Это ярлык. Ты теряешь мысль. Продолжай от «искалечить».

– Да, хотел сказать «искалечит их судьбы», но сразу почувствовал фальшь.

– Продолжай.

– Продолжаю. По-твоему, получается, что их судьбы уже были искалечены. Так же как мозги, разум, вера. Все, что делает человека живым. Но я не могу понять, кто тебе дал право судить? Или не тебе, а нам с тобой?

– Мы бы этого и не делали, если бы они сами не попросили.

– Но почему именно так – одного загнать в слепоту, другого – в безумие головной боли?

– У меня не было выбора. Это не вариант «лес рубят, щепки летят». Это вариант выживания. В данном случае – твоего и моего. Я не мог остановить их другим способом.

– Но у вас же есть какие-то приемы, которые не калечат.

– У кого у вас?

– Не знаю. Судя по тому, что сказала Ана, ты владеешь приемами. Господи, не знаю, как это называется. Мастер чего-то восточного. Какой-то борьбы.

Кай начал говорить жестко. Непривычно для себя.

– Нет, Кай, не мастер. Даже не подмастерье. Очень поверхностно знаю все эти вещи. И тогда, возле автобусной остановки у меня не было возможности выбирать. – Бут немного помолчал. – Если точнее, они были слишком пьяны, чтобы их можно было запугать или остановить легкой болью. Поэтому пришлось работать на «вынос». Есть такой термин. Но это я сейчас осознаю, а тогда – не думал. Это закон. Это первое, чему меня учили мастера – не думать, когда делаешь что-то важное.

– Намеренно не ведать, что творишь?

– Нет. Это типично европейское заблуждение. Если перевести то, что я сказал, на наш язык, получится так: не думать – значит, не думать о деталях, не препарировать каждое движение. Это полезно даже в спокойной обстановке, когда европейцы как ни стараются, все равно думают. О «белой обезьяне», слышал? Думают именно оттого, что стараются. Но в обычной

жизни можно думать, можно не думать – большой разницы не будет. А вот в «необычной», когда приходится очень быстро решать проблему, не думать – просто необходимо.

Бут помолчал секунду, словно что-то вспоминал.

– Ведь тебе это знакомо. Ты попадаешь в подобное состояние, когда чем-то увлечен настолько, что забываешь обо всем на свете. Это так говорят «обо всем на свете», а на самом деле, ты прекрасно осознаешь или чувствуешь, что творишь – подлость или благо.

– И что ты чувствуешь, когда калечишь людей? – Жесткость речи и беспристрастность от Бута окончательно пришли к Музыканту. – Извини, я следую правилам игры, хотя по идее не имею права задавать такие вопросы человеку, который меня спас.

– Можешь не извиняться, мы уже обозначили правила. «Калечишь людей». Ты сам можешь назвать их людьми? Или это слишком высокомерно? Ради чистоты мнения попробуй представить, что они не тебя избивали, а кого-то постороннего. Или, напротив, близкого тебе.

Кай нахмурился и от наплыва головной боли нахмурился еще больше.

– Не могу. Если кого-то постороннего или близкого. Тогда они однозначно нелюди. Но я-то не посторонний. Значит, не могу думать отвлеченно...

– И все же попробуй, представь картину со стороны. Представь, что в твоих руках разрешение этой ситуации. Как в детской игре – у тебя есть магическая сила. Что бы ты сделал?

Музыкант попробовал приподняться, но после короткой борьбы с собой снова откинулся на подушки.

– Это сложно. Я не могу брать на себя ответственность. Я не могу решать судьбы. Не могу решать – люди они или нелюди. Это за пределами моих возможностей. Да. И моего права. Вообще, это не к человеку – это вопросы, которыми распоряжается Судьба, Бог.

– Хорошо, – по лицу Буддиста пробежала редкая улыбка, – сейчас давай снизим накал, пожалуй, тебе еще рано говорить о «серьезных вещах». – Бут интонацией загнал «серьезные вещи» в кавычки. – Сначала надо набраться сил. Но я задам тебе несколько вопросов. Ответишь после, когда силы будут. Хорошо?

Музыкант кивнул.

– Что бы ты сделал, если бы граждане Хомов и Саспинсюк избивали или насиловали Ану? Представь, что они ей ломают нос, бьют ее ногами в живот и ниже. Это первый вопрос. Дальше. Почему ты думаешь, что твоя простая жизнь не затрагивает судьбы других людей? Дальше. Почему ты отделяешь себя от Бога и Судьбы?

Музыкант кивнул еще раз, Буддист подхватил его движение.

– На сегодня хватит, Кай. Спасибо, что поднял этот разговор. Мне порой не хватает внутреннего диалога. А теперь спи. Завтра увидимся.

V

Старый еврей читал Тору. Вода уже захлестнула его щиколотки. Он сидел на крыше своего дома, Музыкант примостился рядом и тревожно заглядывал в бесстрастные глаза старика, перед ними была открыта вторая книга – Исход. Рядом бродил длинноногий Аист, было непонятно, что держит его на воде – не то крыша соседнего дома, уже скрывшегося под водой, не то сверхъестественные силы.

Три часа назад мимо дома старика проплывала лодка, из нее кричали: «Вали сюда, старый козел, утонешь!» Два часа назад – катер, из которого сам Министр по чрезвычайным ситуациям крыл старика отборным матом и призывал не делать глупостей – в переводе на русский печатный. Десять минут назад тот же Министр повторил речь из пролетавшего над домом вертолета. Но старик читал вторую часть Книги и не отвечал на министерские запросы. Так вертолет и скрылся из глаз со словами: «Ну и... с ним!» Среднее слово поглотил шум лопастей и шелест волн.

Аист прошлепал по воде к дому старика и щелчками клюва постарался привлечь к себе внимание. Не получил. Старик бормотал святые слова, а мысленно повторял завет отца, что еврей, читающий Тору, обязательно будет спасен. Музыкант теребил старика за плечо, но внимания получил столько же, сколько Аист и МЧС вместе взятые.

А вода прибывала и уже закрыла худые сапоги и худые колени старика. Музыкант догадывался, что вода холодна, но сам холода не чувствовал и все пытался вывести еврея из транса. Наконец вода дошла до горла, и старик уже не видел книгу, но продолжал бормотать и верить, что спасение придет. Он уже не сидел, а стоял на цыпочках, хотя по всем законам физики, его должно было снести прибывающей водой. Но он продолжал стоять на гребне крыши, протягивая к небу посиневшие губы. Наконец волны сомкнулись над ними и, уже в ледяной воде, губы прошептали: «Господи, почему не пришел, почему не спас...» И в том же миг из зазеркалья нырнула голова Аиста и ответила вопросом: «А кто посылал тебе лодку, катер и главного из МЧС?»

Музыкант плавал под водой, тщетно пробиваясь к старику, с каждой стороны наталкиваясь на невидимую стену.

* * *

– Забавно, – сказал Бут. – Забавно. Я слышал этот анекдот. Хотя это, скорее, притча. Ладно, неважно. Здесь другое интересно: ты добавил в нее новые оттенки. Даже не пойму сразу, к чему они? Ты пытался дотянуться до этого слишком верующего, но не мог. Да? Интересно.

– А почему Аист?

– Может, прямая аналогия «крыша – аист»? Или, если копнуть глубже: боги порой принимают облик зверей, а боги – это судьба. Впрочем, толкование снов не по моей части. Почитай на ночь Фрейда, будешь крепко спать. Хотя спишь ты и так неплохо.

Музыкант и Буддист дружили уже несколько дней. Музыкант сидел на толстой циновке, скрестив ноги, и был похож на тощий бочонок с порохом, который подождли с нескольких сторон – в его слишком стройный торс Буддист загнал десяток длинных иголок, и на конце каждой тлела мокса. Огромные динамики в большой комнате Бута лениво и тихо перебирали пентатонику, она то рассыпалась, то сходилась к ре первой октавы.

– Через пару дней тебя можно будет выпустить на улицу. Повезло. По большому счету, отделался легким испугом.

В ответ Музыкант глубоко вздохнул и охнул – ребра еще болели. Он еще раз, уже, наверное, в десятый, пробежался взглядом по книжным полкам Буддиста, по нему самому – Бут

не терял времени и, пока Музыкант дымился, надел черное кимоно, подвесил правую ногу на растяжку, а руками резко, но не сильно стал постукивать по трем боксерским мешкам.

– Бут, а ты действительно буддист?

– Почему буддист?

– Ана тебя так прозвала. Когда мы еще не были знакомы.

– Да, понимаю. Отрешенный вид, четки в руках. Все это кажется «оттуда». Нет, только кажется. Мысли были – прийти к какой-нибудь конфессии или формальной школе. Но остаться с кем-то надолго не получилось. Я не видел смысла в уставах, обязанности выполнять ритуалы. В теории смысл есть – дисциплина духа и разума, но мне это совершенно не подходит. Если я что-то понимаю, ты тоже вряд ли к кому-то пристал, в смысле – примкнул.

– Даже не пытался. Мне, наверное, всегда музыки хватало, это по-своему тоже религия. Буддист на секунду остановился.

– Тоже религия – да. Все на свете тоже религия, даже спорт. Но спортивная паства обычно кричит «Спартак – чемпион!», а ты через каждое второе слово повторяешь «Господи!», а через каждое третье – «Это дело Бога!».

– Так часто повторяю? Не замечал. Наверное, просто привычка, обороты речи, слова-паразиты, к Богу не имеют отношения. Вообще, не очень понимаю, что такое Бог. Бодрый дедушка на облаке – это картинка не для меня. Есть еще попытки натянуть на слово Бог разные образы. Кто-то говорил, что это сумма всего альтруизма человечества. Кто-то – что внутренний компас, который позволяет нам отличать добро от зла. Короче, есть много попыток понять, но...

Бут отвязал ногу на растяжке, подвесил, подтянул другую.

– ...но попытки какие-то неубедительные. А для меня, – Музыкант на глазах становился задумчивым и тревожным, глаза тревожно глядели в никуда, – для меня это всегда был край, за который уже не понять – где добро, где зло? Край, где возникает ощущение, что ты ничего не знаешь, не понимаешь, но есть на свете кто-то, кто все знает и понимает.

– Край сознания? Да, это знакомо.

– Сознания – не совсем верно. Я, скорее, говорю о крае, за которую не может выйти вся наша сущность. И сознание, и чувства, и даже смутные ощущения. Это что-то вроде стены, за которую не пройти, или круга, из которого не выйти, и ты ощущаешь это на всех уровнях – от интуиции до четкого факта. Занятно, что реакция может быть разной: одни понимают, что нам не дано пройти, словно какая-то сила не выдала пропуск. Другие искренне удивляются или бунтуют – почему меня, почему такого хорошего не пускают, что я «им» сделал? Обращал внимание, что люди порой говорят «они» и непонятно кого имеют в виду? Ну ладно, это чаще по бытовым вопросам. «Они вообще офигели, дом скоро развалится, а им хоть бы хрен». «Он», «они» – все это обращение к кому-то, кто имеет над нами власть. В общем, много было попыток понять бога, но не знаю ни одной удачной. Очень много туманных рассуждений, который заканчиваются ничем, разве что такими же туманными образами, картинками, словами. И все на одну тему: есть Бог, но кто это, что это мы не знаем.

Музыкант погрузился в долгую паузу, а Бут перестал терзать боксерские мешки и повернулся к Музыканту – с легкой гримасой, больно было поворачиваться на растяжке.

– Ну ты перегибаешь! Не обязательно туманными.

Боль стала сильнее, ногу схватила судорога, пришлось отвязать.

– Представь себе границу, где заканчивались знания людей. Скажем, на уровне эпохи, пятнадцатого века, например. Человек явно знал и видел, что все до этой границы – от человека, без волшебства, без чуда. А за этой границей начинается область неведомого, колдовского, божественного. Даже если речь шла о грозных разрядах – в общем, невеликой тайне. Но проходили два-три века, тайное становилось явным, и граница сдвигалась. То что раньше

было «свыше», становилось обычным, ну, может обычным для элиты, для носителей знаний. Но уже не божественным.

Бут чуть хмурился и массировал какие-то точки на ноге.

– Вот и вся картина. И никакого тумана в ней. Божественное плавно перетекает в человеческое. И доказательств никаких не требуется.

– Булгаков?

– Да.

Музыкант к этому времени перестал дымиться, последняя палочка моксы погасла.

– Ты прав, есть граница, что перемещается с появлением новых знаний. Но существует и вечная, неподвижная. В точных науках люди кое-что смогли сделать. Но в вопросах «кто мы?», «зачем мы?», «откуда?», «как правильно?», «почему этот звук прекрасен, а этот – так себе?» – в этом мы остались такими же непонимающими, как и сотни лет назад. Здесь одинаково беспомощны суперумный Хокинг и не самый умный дядя Коля из соседнего подъезда. У первого целые тома теорий и формул, у другого фразы типа «ну, еж ты, когда оно, тогда – да!» Хотя я с ними мало знаком, с обоими.

Музыкант все глубже уходил в себя и говорил, казалось, сам с собой, почти не видел Бута. А тот аккуратно вытаскивал из Музыканта иглы и складывал их в коробочку. Потом достал странно пахнущую мазь и начал втирать ее в обработанные точки. Мазь была со странным запахом, хороший парфюмер насчитал бы в нем не один десяток разных нот.

– И здесь никто ничего толком не может сказать. Вернее, все философствующие только и говорят о проявлениях Бога, в той или иной форме. Но толку? Я же вижу одно: здесь мы, а там – Он, если Он есть. Там, где заканчивается понимание, но продолжается вера. Там, где мы не можем ничего доказать, но либо чувствуем, либо не можем чувствовать иначе.

Музыкант грустно посмотрел на Бута.

– Ты упомянул Булгакова. Я бы не сказал, что он много разгадал. Но предложил красивую версию, которая для многих в этой стране стала чуть не святым текстом, заменила Библию. Когда-то «Мастер» помог мне что-то понять, но дальше я не пошел. Вернее, пошел, но мой путь почти не связан с умными словами. Видно, мне дано думать звуками. Кстати, ребята в ЦМШ за это придумали мне кличку – Кай. Иногда я говорил им, что из звуков можно сложить любой узор.

– Ребята откуда?

– Из ЦМШ, Центральной музыкальной школы.

– Понятно. Ты складывал из звуков слово «Вечность»?

– Нет. Узор.

– Видишь разницу?

– Слышу! И вижу, иногда.

– Что за Узор?

Буддист недовольно качнул головой – одна из обработанных точек воспалилась.

– Ох, господи, – Музыкант улыбнулся очередному «господи». – Не так просто рассказать, как почувствовать.

– Только не опускайся до «мысль изреченная есть ложь».

– Да, конечно. Это универсальная отмазка. Сейчас попробую.

– Только накинь халат, а лучше оденься полностью. И свитер надень.

– Хорошо. Слышишь? Я от тебя заразился, теперь по каждому поводу говорю «хорошо».

– Не отвлекайся.

– Да.

Музыкант быстро накинул на себя одежду и начал говорить еще со свитером на голове:

– Тебе случалось видеть нечто прекрасное – цветущую вишню или закат, такой, что с ног сшибает? Звезды в горах?

– Конечно.

– А слышать? Тебя пробивала музыка? До мозга костей, до мозга души, если у нее есть мозг.

– Да.

– Или запахи. Запах любимого тела, любимого блюда, напитка. Или завораживающий вкус. Наверное, понятно, о чем я?

– Понятно.

– Хорошо. Так вот. Все это я называю точками Узора. Когда неведомый Узор, находящийся за краем нашего понимания и даже за гранью наших чувств, пробивает пространство, время, черт его знает, что он еще может пробить. И является нашим глазам, душам в виде мгновения, когда мы по-настоящему живем. Мгновенного ощущения прекрасного, небесного, мистического. Как хочешь назови.

– Да, это знакомо. Думаю, всем знакомо, не только нам.

– А теперь представь, что точки Узора соединены в линии. Но разглядеть линии дано немногим. Но если повезет увидеть их, ты буквально увидишь, услышишь, почувствуешь, что линия Узора – это миллионы его точек, связанные воедино. И они способны дать нам не мгновенное откровение, а нечто, заставляющее нас чувствовать в миллион раз сильнее. Это не просто вера, это, скорее, состояние. Но его очень трудно передать словами, и даже звуками сложно передать. И, возможно, не надо.

– Вполне допускаю. Что-то и я чувствовал, что-то от других слышал подобное. И (ты только не принимай близко к сердцу, я еще не до конца понял, о чем ты говоришь) порой люди улетают к звездам в самых разных состояниях. В религиозном трансе, в наркотическом. Словом, я пока не уверен, что твой Узор – то же самое, что другие называют Богом. Надо будет переварить, понять. А понять мы можем только через то, что раньше сами поняли, через свои образы.

Бут тоже стал задумчивым, хотя никакой тревоги в его глазах не было.

– Кстати, ты ведь знаешь, наверное, что восточным медикам понадобились три тысячи лет, чтобы связать особые точки на человеческом теле в единую систему. Может, здесь есть что-то похожее на твои слова. Система эта настолько сложна, что множество врачей пользуются лишь основами знаний, а дальше начинают импровизировать. И здесь сложно отделить разумное от суеверного бреда, любви к случайным числам. Здесь...

– Да, кесарю кесарево, слесарю слесарево, – Музыкант сначала с удивлением слушал Бута, а потом решил съязвить. – Но лучше пусть будет такая картина, чем никакой.

– Да. Давай померяемся узорами. И еще докажи мне, что музыка намного выше, мудрее и человечнее, и богоугоднее, чем моя медицина.

– Ладно! – Музыкант уже вышел из задумчивости, в глаза заиграли веселые искорки.

– Ладно! – Бут свои веселые искорки в глазах погасил. – Я потихоньку начинаю понимать, о чем твой Узор. Но только начинаю. Ты лучше скажи, куда твоя теория тебя привела? Или что дала тебе?

– Боюсь, никуда особенно не привела и мало чего дала. Только... только я начал лучше понимать, что отличает, ну скажем, Баха, Иоганна, от типичного хомо сапиенс. И только.

– И что же?

– Хома приходит в буйный восторг, когда ему удастся увидеть одну точку Узора. Он помнит встречу с прекрасным много лет. А Бах – для него точка ничто, он скользит по линиям так легко, будто с детства привык их видеть, как мы видим это окно.

– А Моцарт?

– Почему ты спросил?

– Просто.

– Это не просто. Почему Моцарт?

– Ну, я ничего не понимаю в музыке, но мне кажется, что он намного ближе к Абсолюту, или, если хочешь, к Узору, чем все остальные.

– Ты понимаешь! – Кай чуть наклонил голову. – Понимаешь. Потому что так оно и есть. – Взгляд исподлобья. – Только об этом знают далеко не все. На Моцарте висит такой же ярлык – «Здесь живет великий композитор!» – как на Бетховене, Гайдне и прочих. Даже на Элтона Джона его вешают. Ярлык один для обывателей и, как ни странно, для многих музыкантов, профессионалов. Это чертовски странно, что они не знают. Амадей – единственный, кто не просто видит узор, не просто скользит по его линиям. Он его творит.

– Хм.

– Думай как хочешь.

Бут коротко наклонил голову и повел влево-вправо так, что косточки в позвоночнике хрустнули.

– То есть не только близок к Богу, но и сам есть Бог? Отчасти?

– Отчасти, точнее не скажу. Не понимаю, не вижу всей картины. И знаешь, лет пятьсот назад нас за подобные речи сожгли бы на костре.

– А полвека назад дали бы по десять лет без права переписки.

– Ну и что? Реабилитировали... бы.

– Да. Бы. А теперь давай – домой. Думать о небесном полезно, но о земном еще полезнее. Лекарства, витамины, здоровая еда. Сеанс окончен.

VI

Ана чувствовала себя душой – уже больше часа ждала подругу в кафе. Но, против обычного, чувствовать себя душой было не обидно. Кофе давно остыл, Ана потребляла его мелкими глотками, одной чашки хватило на час. Улыбалась и хмурилась, вспоминала все страшное и не страшное, что так встряхнуло ее застоявшуюся жизнь.

Подруга позвонила и сказала, что вообще не придет – такие пробки, что в центр не проваться. Врет, наверное. Но бог с ней. И без нее хорошо.

– Привет!

Ана посмотрела на того, кто сказал «привет». Не узнала. Может, просто подбивает клинья? Хорошо, что сейчас это неважно. Мужик классный, даже стильный – дорогие джинсы, замшевая куртка с бахромой. Нечто художественное. Где ты раньше был, милочка?

– Ты не помнишь, где мы встречались?

– А мы встречались? – Ана вздернула брови и сразу нахмурилась: «Черт, начинаешь кокетничать, нет чтобы сразу отшить».

Джинсы с курткой и бахромой присели за Анин столик. К ним добавилось холеное, но не наглое лицо. Правильные черты, карие глаза, высокий лоб, густые черные волосы с падающей на глаза прядью, чуть тронутой сединой. Волевой тяжелый подбородок. Достоинство! В манерах, во взгляде. Почти плейбой 007. На правой руке пара платиновых колец без камней, но с искусной насечкой, на безымянном и мизинце. Ноль-седьмой постоянно подкручивал оба кольца, видно, это помогало ему жить. И в этом тоже чувствовался стиль, немного необычный.

– Встречались. Точно. Только я не могу вспомнить где.

– Понятно. Схема знакомства номер три.

– Курить можно?

– Можно.

Незнакомец достал пачку легких сигарет. Такие же курил Буддист – не сигареты, а вкусное баловство. Щелкнул стальной зажигалкой.

– Вспомнил. Ты – Ана. Как видишь, никакой схемы номер три. В конце прошлого года я фотографировал интервью для твоей фирмы.

– Черт! – «Точно, дура! Твоя профессия – помнить лица. Видно, их слишком много». – Прости. Тебя, кажется...

– Не напрягайся. Меня, кажется, Вик.

– Что Вик?

– Зовут Вик. Можно Виктор. Но лучше – просто Вик.

– Забавно, – Ана успела заразиться от Буддиста несколькими словами.

Вик не стал спрашивать, что забавно. Не похож на ресторанного клопа, которому снять тетку – первое удовольствие. Уверен в себе, очень уверен. Но почему-то задумчив. Повернулся к официантке и знаком попросил кофе, нарисовал в воздухе букву «Э» и показал два пальца. Официантка кивнула – понятно, двойной эспрессо. Либо поняла шифр, либо уже знала.

– Я так и не понял, что ты делаешь в этой фирме? Ты – не совсем главная, но рядом. Заместитель?

– Скорее, помощница. Работаю с персоналом.

– Во как. А с ним надо работать?

– Еще как!

– Не понимаю.

– Считаю, что у нас большой детский сад. А я – воспитательница.

– Теперь понимаю. – Вик улыбнулся совершенно очаровательной улыбкой, как у Крошки Енота. У него были зубы ровные, желтоватые. Кофе и сигареты. – Если ведут себя плохо, ставишь в угол. Или – без сладкого?

– Когда как.

– Ты их что, не любишь?

– Люблю, по-своему.

– А почему так скуп?

– Военная тайна.

Ана собралась уходить и раскрыла сумочку, чтобы расплатиться. Вик перехватил ее руку. Очень мягко, не противно.

– Я тебя не держу, но не надо меня обижать.

Это было сказано по-человечески. Ана даже присела обратно и с новым любопытством посмотрела на ноль-седьмого.

– Мы все-таки в России живем.

– И что?

– Знаешь, я однажды пригласил поужинать одну американку. Просто так, ничего личного. И когда пришло время расплачиваться, она мне закатила истерику, мелкую – мол, я тоже личность, хоть и женщина, я имею право за себя заплатить! Пытался ее убедить, сказал, что в России это называется трепетным отношением к женщине. И никак не унижением. Не убедил. Ты, надеюсь, не американка?

– А что, похожа?

– Нет, просто спросил.

– Хорошо, тогда закажи мне еще чашку капучино. Горячего, мой остыл.

– Это можно.

Вик повернулся к официантке и послал новый сигнал – повторить. Видно, официантка была смышленная. Или знакомая.

– Я за тобой наблюдал почти час.

– Зачем? Профессиональный интерес?

– Извини, профессионального не было. У тебя каждые три секунды на лице появлялась улыбка. Такое впечатление, что за этот час ты вспомнила всю свою жизнь.

– Хорошее наблюдение. Всю не вспомнила, только часть.

– И что в этой части?

– Военная тайна.

Ана еще раз окинула его взглядом. Она почти хамила ноль-седьмому. И что он будет делать дальше? Скажет, что у нее удивительная внешность, и ее обязательно надо сфотографировать в студии – обнаженной. Размечталась, милочка. Ана еще внимательней посмотрела на Вика. Еще раз удивилась, как Музыкант и Бут ее переменили. Еще месяц назад начала бы волноваться и дергаться: «Появился мужик. Классный. Хорошо бы его заполучить. Только страшно – слишком красив, слишком избалован женщинами, а становиться подружкой на пару постельных встреч не хочется. Может, удастся его приручить?» Да, еще месяц назад. Но сейчас и мысль такая не мелькнула. Вернее, мелькнула, но по старой привычке. Ане просто интересно было смотреть и немного думать. И, как слегка психолог (а как еще себя назвать, если за плечами десяток курсов, но классического образования нет?), она знала, что мужиков это дезориентирует. Интересно, как дезориентируется этот? Будет настойчиво биться в закрытую дверь? Или красиво извернется и уйдет? Любой вариант Ану устраивал.

– Знаешь, у меня сегодня была странная ночь.

– Да? Ну, расскажи, – легкая ирония не покидала Анин голос.

– Даже не знаю, – Вик посмотрел сквозь Ану, – как-то все нелепо получилось, хотя...

* * *

– У меня не так много осталось друзей. Знакомых – море, а друзей мало. Вообще, в детстве было понятно, что такое друг, а теперь – совсем не понятно. Но те, что были в детстве, на особом счету. И вот, звонит мне вчера один, из особых, и сразу погружает в мелкий бред.

«Старик, я к тебе обращаюсь с одной просьбой. С такой можно обратиться только раз в жизни, но сейчас именно такая ситуевина».

– Хорошо, говорю, обращайся, – и полубред продолжается.

«Сейчас шесть вечера. Я тебя попрошу позвонить мне в восемь. Скорее всего, подойду сам. Ничего говорить не надо, это проверка связи. А потом перезванивай через каждые полчаса. И каждый раз я сам буду подходить к телефону. Если подойду – все нормально. Но если не подойду, ты настойчиво проси, чтобы меня подозвали. И кто бы не отвечал – хоть моя жена, хоть еще кто-то – ты просто требуй, чтобы мне дали трубку».

– Сама понимаешь, предложение странное, мягко говоря. Но в голову как-то не укладывается, что это просто глупая шутка. И потому спрашиваю: «А если тебя не подзовут, что делать?»

«Если не подзовут. Ты тогда начинаешь орать, требовать».

«Орать? Ничего себе! А если это не действует? Или к телефону никто не подходит?»

«Тогда... тогда ты хватаешь машину. Хочешь – свою, хочешь – такси. И приезжаешь ко мне, начинаешь звонить и барабанить в дверь».

– Стараюсь не удивляться. Держу паузу, чтобы он дальше сам начал говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.